

Арина
Арская

БЫВШИЙ МУЖ

я все еще люблю тебя

Арина Арская

БЫВШИЙ муж. Я все еще люблю тебя

<https://litres.ru/74294287>

Аннотация

— Иди к папе, зайка! Мой бывший муж подхватывает на руки румяную малышку. Она обнимает его за шею и что-то шепчет на ухо, а затем звонко смеется, запрокинув голову. Не верю, что это Константин. Он все же вернулся в Россию? — Папа, я люблю тебя, — малышка прижимает ладошки к лицу Константина. — Люблю как до луны и обратно, папа. — Я все равно тебя люблю больше, — ласково шепчет в ответ. Улыбается нежно. С любовью. В груди что-то трескается. Больно. Я непроизвольно пячусь. Костя оглядывается. Он будто почувствовал меня. — Мила, — перехватывает затихшую и настороженную девочку поудобнее, — здравствуй, — делает ко мне мягкий шаг по влажной траве, — рад тебя видеть. — Вот вы где! — слышу голос той, кто четыре года назад украла у меня мужа. — За вами не угонишься... Фух... О, Мила, и ты тут?

Бывший муж вернулся в Россию из Европы на тридцатилетие нашего старшего сына. Его любовница стала законной женой, родила очаровательную дочку. После нашей встречи старые раны

вскрываются и кровоточат, и я вновь вспоминаю слова, что Костя мне сказал перед тем, как уйти к другой женщине: — Я тебя давно уже не люблю.

Осторожно! Книга о больной, зависимой любви. Здесь нет идеальных и правильных героев. Здесь больно, неправильно, очень сложно и на разрыв. Если я вас не напугала, то жду в гости

Содержание

1	6
2	11
3	16
4	21
5	26
6	31
7	36
8	41
9	46
10	51
11	56
12	60
13	65
14	69
15	73
16	77
17	81
18	85
19	89
20	93
21	97
22	101
23	106

24	110
25	114
26	118
27	122
28	126
29	130
30	134
31	138
32	143
33	148
34	153
Конец ознакомительного фрагмента.	155

— Я тебя давно не люблю, — Константин не смотрит на меня. Его уставший взгляд устремлен в потолок, — вот что я должен был сказать.

Мозг отказывается принимать его слова, и я пусть четко услышала его признание, но не понимаю.

Будто Костя говорит со мной на незнакомом мне языке.

— А последний год, — он все же переводит на меня тяжелый взгляд, — совсем все плохо, Мила.

Я отставляю эмалированную лейку, которой только что поливала фикус и шепотом спрашиваю:

— Что?

— У меня есть другая женщина, Мила, — отвечает тихо, но слышу я его слова оглушительным криком и чувствую их хлесткими пощечинами. — Я хочу быть с ней. И я буду с ней, — вздыхает, — мы с тобой разводимся.

Мне сорок шесть лет.

У нас с Константином трое сыновей. Старшему Илюшке двадцать шесть, среднему Олеже двадцать четыре, младшему Паше двадцать два.

Три богатыря, и все пошли породой в сильного, высокого и широкоплечего отца со жгучими карими глазами, которые сейчас меня смотрят на меня с угрюмой решительностью.

И в сорок шесть лет я слышу, что меня разлюбили и что

от меня уходят к другой.

Абсурд.

У нас с Костей хорошая крепкая семья. Мы ждем рождения второго внука у старшего сына, а младшего недавно женили на милой скромной Настеньке из хорошей и интеллигентной семьи профессора и нейрохирурга. У среднего — жена беременная на третьем месяце.

У нас все хорошо.

Мы любим друг друга.

Ну, бывает ссоримся, но это не дикие скандалы с оскорблениями, битой посудой и физической агрессией. Да и все иногда ссорятся. В этом нет ничего удивительного или возмутительного для мужчины и женщины, которые прожили в браке двадцать семь лет.

Ссоры не обнуляют многолетнюю любовь и заботу друг о друге.

— Сыновья выросли, — продолжает Константин бить меня словами, — я им дал хорошее образование, часть моих активов и бизнеса уже у них под контролем, и они сами уже завели свои семьи.

Что-то в груди рвется. Тонкая ниточка, и сердце медленно расходится на кровавые лоскуты. Я, наконец, понимаю каждое слово моего мужа Кости. Отступаю на несколько шагов от стола, на котором красуется молодой и красивый фикус, и замираю перед Константином, прижав руку к груди.

Я хочу ему хоть что-нибудь сказать, но язык присох к

небу.

— Жить с тобой через силу я не хочу, — Костя смотрит на меня взглядом судьи, который выносит смертный приговор.

— Жить с тобой и любить другую...

— Замолчи... — сиплю я. — Ради бога замолчи.

Подбородок дергается, и со всхлипом прижимаю ко рту потную ладонь, широко распахнув глаза на Константина, который за одно мгновение стал для меня чужим мужчиной.

— Мне жаль, Мила, — Костя не отводит от меня взгляда, — но так случилось. Я не хочу тебя терпеть, ненавидеть, презирать, как это бывает в других семьях.

Мне все равно, как бывает в других семьях.

Сейчас рушится моя семья. Мой мир. Моя любовь.

Делаю шаг, и под босыми ступнями мягкий густой ворс ковра пружинит. Воздух вокруг меня сгущается в теплый кисель, который забивает альвеолы паникой и страхом.

Мы разводимся?

— Кто она? — едва слышно спрашиваю я. — Костя, я должна знать...

Мозг хаотично перебирает варианты. На моего сурового Костю женщины всегда засматривались с открытым ртом и в разговорах с ним шли на наглое кокетство. Их не смущала даже я, которая могла рядом стоять и удивляться женской наглости.

Даже замужние тетки восхищались им и слюни бессовестно пускали, позабыв о своих мужьях и клятвах.

В Косте много тестостерона, мужской харизмы, самцовой силы и уверенности. Он — Альфа среди обычных мужчин, и любая баба бы хотела лечь под него в желании получить его покровительство, деньги, защиту и внимание.

— Ты с ней познакомишься, — снисходительно заявляет Константин, — но сейчас эта информация тебе ни к чему. Всею свое время. Тебе сейчас надо все осознать, пережить. Я понимаю, тебе услышать такое больно, — мягко улыбается.

— Какой ты... заботливый, — нервно смеюсь я, а после резко замолкаю и сажусь на подлокотник кресла.

— Я боялся худшего, — Константин внимательно и изучающе смотрит на меня, — а ты... держишься достойно.

О чем он?

Я просто в шоке. У меня сейчас мозг заморозился и сердце спряталось за ледяной коркой, а иначе от него ничего не останется. Только кровавый фарш.

— Я боялся твоей истерики, — Костя усмехается, — а ты, кажется, меня поняла, да, Мила?

Я хочу покачать головой, но почему-то киваю.

— Это радует, что ты трезво смотришь на ситуацию, — продолжает Константин. — Мы останемся близкими людьми, но... знаешь, мне тоже горько, что все пришло к такому. Ты хорошая женщина. Ты большая умница, и ты заслуживаешь счастья, Мила, но не со мной.

Костя хвалит меня, но ощущаю я его похвалу как удары

ножа в живот. Я даже выдохнуть не могу. Даже не моргаю.

— Возможно, тебе стоит обратиться к психологу, — Костя приглаживает волосы и хмурится, — будь у нас дочка, то ты бы с ней поговорила и поплакалась ей, а у нас мальчики.

Бьет по больному. Я так хотела девочку, но родила сыновей. Одного за другим.

— А они знают... — голос мой дрожит, и в любой момент могу сорваться в рев и крики, — знают, что у тебя любовница?

— Разговор с ними нам еще предстоит, — отвечает Константин, — и я надеюсь, что и с ними ты будешь благоразумной, Мила, — проводит пальцем по правой брови, собираясь с мыслями, — нам всем не помешает быть сейчас благоразумными.

— Парни, мы с вашей мамой разводимся, — в тихой серьезности заявляет Константин.

Я ему обещала, что не будет никаких истерик, и что я буду достойном напоследнем семейном ужине, который станет финальным гвоздем в гроб нашего долгого брака.

Когда Константин собрал вещи и покинул наш дом после тихого и серьезного разговора о том, что он меня больше не любит и уходит другой, я выпустила из себя только одну слезинку.

После я ее вытерла, медленно выдохнула и запретила плакать, потому что если я позволю себе заплакать, то не выплыву из черного моря тоски, отчаяния и ревности.

Я умру.

Поэтому я выбрала, как сказал мой почти бывший муж, тихое благоразумие, которое спасет мою нервную систему и душу.

Я на ужин надела строгое темно-зеленое платье из мягкой шерсти, кулончик и жемчужинки на тонкой золотой цепочке, аккуратно уложила волосы в строгий пучок на затылке. Я выгляжу прилично и сдержанно. По мне не скажешь, что я проживаю смерть любви, которая должна была гореть вечно.

Костя тоже выглядит хорошо. Брюки, рубашка с короткими рукавами и платиновая цепочка на шее, которая подчер-

кивает его мощную шею с выпирающим кадыком и четкую линию крупной челюсти.

— Что? — Олег замирает со стаканом воду у рта.

Наши сыновья обескураженно переглядываются.

Я помню, как Константин каждого из них качал на руках, как с улыбкой пел колыбельные и читал на ночь сказки. Как играл с сыновьями в футбол, а после они все потные, грязные и счастливые лезли ко мне обниматься и целоваться. Я фыркала, корчила рожицы, в шутку боролась, но всегда со смехом сдавалась.

Мои мальчики

Я их называли «мои мальчики».

— Вы же слышали отца, — накалываю зеленые горошинки на зубчики вилки.

Одну за другой. Это успокаивает, отвлекает.

— Это вы так решили пошутить? — спрашивает Илья.

Да, мы с их папой часто любили подшутить над ними, поэтому в нашем доме всегда смеялись и дурачились, но не сегодня.

— Нет, мы не шутим, — отвечает Константин.

Он, как обычно, сидит во главе стола. Моя помощница по дому Машенька по привычке накрыла стол в обычной сервировке и порядке, а я не стала истерить и говорить, что Костя больше не хозяин в этом доме.

Холодное и тихое благоразумие.

— У меня есть другая женщина, — терпеливо и сдержан-

но поясняет Константин. — Я больше не могу быть с вашей мамой. Мы, — он протягивает ко мне руку и берет за ладонь, — мы останемся с вашей мамой близкими людьми, — смотрит на меня пристально и улыбается с ласковой отстраненностью, — друзьями.

Так улыбаются смертельно больным людям.

Я вся изнутри покрываюсь черной коркой, которая трескается и выпускает кровавые капли моего отчаяния, но я тоже растягиваю губы в улыбке.

Чувствую, как напрягаются мышцы лица.

Я принимаю правила игры Кости.

Аккуратно откладываю вилку зубчиками на край тарелки и тоже в ответ пожимаю теплые пальцы Константина, истекшая внутри кровью.

Сыновья переводят на меня недоуменные взгляды.

Я не буду втягивать их в скандалы, не стану устраивать с их участием истерики и крики, что Костя предал меня и что я не знаю, как жить.

Нет. Это никак мне не поможет и не вернет любовь Кости. Она осталась в прошлом с детским хохотом, играми, щекотками и нежным шепотом на ушко «Я так тебя люблю, Мила. Больше жизни».

— Да, — киваю я и смотрю на сыновей. — Мы все обсудили с вашим папой и... да, мы разводимся. Без обид. Мы все еще родные друг для друга люди.

Какие жестокие слова. Они лезвиями режут меня, медлен-

но и глубоко.

— Это... неожиданно, — заявляет младший Паша и хмурится. — Я... мягко скажем, в шоке.

— Не то слово, — Олег отодвигает тарелку и нервно скрепчивает руки на груди, рассерженно глядя на меня и Костю, — что за бред?

Костя отпускает мою руку, а я свою, которую будто обварили в кипятке, прячу под стол.

Я не думала, что в пятьдесят меня ждет вот такой ужин, на котором я буду мило улыбаться и лгать сыновьям, что мне не больно. Что все в порядке.

— Такое бывает, мальчики, — тихо говорю я. — Мы с вашим отцом прожили много хороших лет, но сейчас наши дороги расходятся.

— Не в вашем возрасте разводится, — в гневе заявляет средний сын Олег, — сходите к семейному психологу, в конце концов. Какой, к черту, развод? — смотрит на отца. — Ты же сам говорил, что разводятся только слабые мужики.

— Милый, — перебиваю я сына, — у твоего папы другая женщина. Он хочет быть с любимой.

— Да я тебя умоляю, мама! — Илья отшвыривает салфетку. — Просто загулял! Вот такое, да, бывает! И из-за этого разводится? Вы же не тупые малолетки, в конце концов.

У меня, кажется, глаз дергается. Вот уж не ожидала от старшенького такой холодной беспринципности.

Папа просто загулял, и это совсем не проблема. Конеч-

но, Илья всегда был грубоват и прямолинеен, но сейчас его агрессия делает мне слишком больно.

Я хочу, чтобы этот ужин поскорее закончился.

— Я знаю, парни, новость сложная, — Костя смотрит на сыновей спокойно и уверенно, — и нужно время, чтобы ее принять. И это не блажь, и не просто гулянки на стороне. Я люблю Викторию.

Новую женщину Кости зовут Виктория? Пытаюсь вспомнить знакомых под этим именем, но мозг отказывается функционировать.

— Хрень собачья! — громко выругивается Паша и резко откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди.

— И мы ждем ребенка, — рубит жестоко Константин.

Они ждут ребенка?

Меня сейчас затягивает медленная воронка боли и тоски, но я продолжаю улыбаться.

Я не моргаю, потому что тогда из меня точно вырвутся слезы, а я не хочу быть для сыновей той слабой дурой, которая не знает, как жить без их папочки.

Не хочу показывать свою боль.

— Жесть, — вздыхает Паша и прижимает кулак ко лбу, чтобы собраться с мыслями. — Я фигею.

— Мальчики, — подаю тихий голос, — мы все тут взрослые люди, и должны понимать, что в жизни люди расходятся.

Я знаю, что есть женщины, которые спиваются после разводов. Есть женщины, которые оказываются с нервными срывами в психиатрических больницах. Есть женщины, которые горюют до смертельных болячек и рано уходят из жизни. Есть женщины, которые после развода закрываются дома на месяцы и днями и ночами оплакивают свое прошлое и свою любовь. Есть женщины, которые устраивают громкие драмы и скандалы, в которых стравливают детей и их отцов из-за ревности и обиды.

А я буду благоразумной женщиной, которая поблагодарит неверного мужа за годы его любви, заботы, защиты и счастья, и буду жить дальше.

Да, будет больно и сложно. Да, меня ждут одинокие ночи слез, бессонницы и размышлений о том, почему Константин меня разлюбил.

Но время лечит. Я хочу в это верить, пусть сейчас жизнь перемолола меня, растерла в порошок и залила кислотой.

— В вашем возрасте не расходятся, — Илья хмурится и переводит сердитый взгляд на Константина, — а вопросы с внебрачными детьми решают иначе. Не разводом. Не ты первый, кого пытаются подцепить на пузо...

— Прикуси язык, сынок, — строго и мрачно заявляет Костя. — Да, новость непростая, но...

— Но опускаться до подобных слов не надо, — продолжаю я сдержанно. — Мне неприятно, Илья.

Из нас с Константином получился отличный тандем. Я идеально подыгрываю ему и мягко сдерживаю шокированных сыновей, которые на несколько минут молча пялятся на нас.

Я вновь подхватываю вилку. Рука все же дрожит, и крепко сжимаю тонкую стальную ручку. Накалываю кусочек сочной индейки:

— Мальчики, вам стоит выдохнуть. Я в порядке, и я с вашим папой согласна, — поднимаю взгляд на сыновей, — не надо быть в браке, который в тягость. Семья все же о счастье, а не о том, чтобы терпеть друг друга ради каких-то приличий.

Да, я не хочу, чтобы Константин терпел меня и с каждым

днем терял уважение, родную теплоту и благодарность за нашу жизнь.

— Мам, может и у тебя уже кто-то есть, — хмыкает Паша, — давай, окончательно добей нас. И будет у нас две свадьбы на радость всем родственникам, друзьям и знакомым.

— О, вот этого я уже точно не пойму, — паша кривится. — Слишком много веселых новостей за один ужин.

Я медленно жую индейку. Стараюсь отвлечься на пряное сочное мясо и немного разгрузить мозг.

— Я буду только рад, если мама встретит достойного и хорошего человека, — Константин подхватывает вилкой белые кругляшки свежего редиса. — Ваша мама - прекрасная женщина, и многие со мной согласятся.

Может быть, женщина я прекрасная, но любовь Кости потеряла. Я ему наскучила за эти года? В чем-то разочаровала?

Возвращаюсь мыслями к имени Вика. Среди друзей, знакомых и родственников я не знаю никаких Вик.

Ну, хоть это немного радует. Не стал крутить роман с той, кого я знаю, а ведь мужья часто гуляют с подругами жен и с их родственницами.

Так что, мне даже в чем-то повезло. Сейчас важно искать позитив в каждой детали, чтобы не сойти с ума.

— Может быть, еще и на свадьбу мамину заявишься? — со злой усмешкой интересуется Олег.

— По приглашению приду, — Костя мягко и хрипло посмеивается. Переводит на меня взгляд и шутливо спрашива-

ет, — а ты пригласишь?

Ему весело думать о моей свадьбе. Я внутри мертвая, а он считает, что я смогу еще кого-то полюбить и подпустить к себе после такого жестокого и подлого удара.

— Приглашу, — улыбаюсь. От лживых улыбок болит лицо. — Ты бы не мог передать перец?

— Да, конечно, — тянется к белой фарфоровой перечнице и передает ее мне.

Наши пальцы соприкасаются на мгновение, а взгляды пересекаются, и я тихо благодарю:

— Спасибо.

— Кусок в горло не лезет, — Олег фыркает и смотрит на часы, — мне в любом случае уже пора.

— Как и мне, — цыкает Илья и поднимается на ноги, отбросив салфетку. — Стоило догадаться, что вы позвали нас не на ужин, а на... на... — не находит слов и сердито отмахивается. — Сами разбирайтесь.

— Подкинешь меня? — Паша обращается к Олегу. — Я на такси приехал.

Наши сыновья уходят, и я не срываюсь их провожать, потому что если останусь наедине с ними, то я разрыдаюсь и вся моя игра в благоразумную и зрелую тетку будет уничтожена.

Я не хочу жалости сыновей. Пусть недоумевают, злятся, но не жалеют. Для меня это будет унижительно.

— Им нужно время, — говорит Константин и режет кусок

индейки зубчатым ножом. — И взрослым мальчикам сложно принять развод родителей.

Посыпаю перцем зеленый горошек. Часть черных крошек липнет к краю тарелки.

— Нам всем нужно время, — отвечаю я и отставляю переносную в сторону. Смотрю на Костю. — Но мы справимся.

— Спасибо, Мила, — он мягко улыбается. Он вновь по привычке берет меня за руку и мягко сжимает мою ладонь, — многим женщинам стоит с тебя брать пример.

Я вытягиваю руку из теплого захвата Кости, а после хлопываю его по предплечью:

— Нам надо поскорее разобраться с разводом, Костя, чтобы Вика спокойно выносила и родила малыша уже будучи твоей законной женой.

— Она так переживала, что ты тяжело перенесешь новость о ее беременности, — одобрительно смотрит на меня, — и знаешь, Вика боится вашего знакомства.

— Погуляет и вернется, — фыркает моя свекровь Алла Михайловна. — Бес в ребро.

Она, как обычно, смело и невоспитанно хозяйничает на моей кухне. Наблюдаю за ее суетой отстраненно у окна. Я не хочу скандала, потому что мне сейчас противопоказана любая эмоциональность, потому что я сорвусь в истерику.

А мне этого не надо. Я хочу выйти из развода с Константином без лишних криков, проклятий и страданий.

Приехала в гости Алла Михайловна, чтобы серьезно поговорить о Косте, о нашем разводе и о том, что мы решили довести ее до инфаркта. Совсем не жалею.

— Так, мне нужна лаврушечка, — лезет в верхний ящик и достает из него пластиковый контейнер со специями. Оглядывается. — Ты так и будешь молчать, Милена?

Миленой она называет меня, когда злится и когда она очень недовольна мной, а такое случается часто, но я привыкла к Алле Михайловне за все эти годы брака. Наверное, даже можно сказать, что я ее полюбила вот такую хамку и злюку.

— Я не знаю, что вам сказать, — пожимаю плечами, — кроме того, что мы с Костей разводимся и что у нас никаких друг к другу обид.

Алла Михайловна сердито шуршит пакетиками со специ-

ями, тяжело и красноречиво вздыхает, намекая мне, что я дура душой.

Кидает пару лавровых листьев в кастрюлю. В ней булькает курица в прозрачном бульоне: моей свекрови захотелось срочно домашнего куриного супчика. Мне ее не остановить.

— Вот какой вы пример показывает сыновьям? — Алла Михайловна разворачивается ко мне и подбоченивается. — И своим невесткам?

Она — крепкая и приземистая. В ней много энергии, но мало изящности, и это меня всегда удивляло: что отец Кости, статный высокий красавец, нашел в коренастой женщине? Она всегда была для покойного Юрия «красавицей», «малышкой», «ангелочком».

— Опять молчишь! — охает Алла Михайловна. — Действительно, что такого?! Подумаешь, дети увидят, что институт брак ничего не стоит, что можно взять и все разрушить после стольких лет! Без оглядки! Без борьбы!

— Костя меня разлюбил, — тихо возражаю я.

Я не удивлена реакцией свекрови. Она в своем репертуаре, и вновь игнорирует границы дозволенного.

— Да ты сама его не любила! — гаркает она. — Стоишь тут и ни слезинки! Тебе все равно! Вот Костя и нашел бабу, которая его любит! Мужики же как дети! Они тянутся к любви!

Я медленно моргаю и скрещиваю руки на груди в желании хоть так защититься от нападок свекрови, которая решила

во всем обвинить меня. Классический прием, но я на него не куплюсь.

Не стану кричать, оправдывать и кидаться обвинениями в сторону Кости. Мне важно сохранить благоразумие, а иначе ждите меня нервные срывы, жалость, тоска и отчаяние, в котором я потеряю смысл жить.

— Ну и что требовалось доказать! — Алла Михайловна цыкает, разочарованно глядя на меня. — От женщин, которые любят, не ушел ни один мужик! Господи, Милена, Костя же так тебя любил!

— Теперь разлюбил, — улыбаюсь отрешенно. — Мы с вашим сыном все культурно и спокойно обсудили.

Виски тянет болью, которая отзывается в зубах, и сладковатый запах курицы липнет к носоглотке тонкой тошнотворной плесенью.

— Если не будешь дурой, то он вернется, — цыкает Алла Михайловна. — У мужиков переклинивает в этом возрасте, — заявляет со знанием дела, будто сама столкнулась с похожей историей в своей жизни. — Мяса свежего захотелось, эмоций, а ты приелась. Вот и все, — ведет плечом и хмурится, — это не трагедия, и для женщины важно понимать, что мужикам иногда стоит дать свободу.

— У него будет ребенок.

Этими словами я вновь дергаю иглу в моем сердце.

— Родится он или нет, — Алла Михайловна цинично усмехается, — большой вопрос, знаешь ли. Ты не руби с пле-

ча, Милена. Отпусти, а потом притяни.

— Он любит другую

— Я тебе про Фому, а ты мне про Ярему! — повышает голос. — Что ты за баб такая? Может, у тебя самой кто-то уже есть на примете, а? Может, сама решила на пятом десятке поскакать по мужикам? Что же вы творите?! Такая приличная семья была! Все смеяться над вами будут!

Я молча шагаю мимо свекрови и подхожу к плите. Убавляю газ.

— Ты меня разочаровываешь, как женщина, Милена, — голос свекрови становится холодным и ядовитым. — Ты не умеешь бороться. Я хочу быть на твоей стороне, но вижу, что у Кости были свои причины решиться на развод.

Я представляю, как подхватываю кипящую кастрюлю за ручки и выплескиваю вместе с курицей бульон в лицо Аллы Михайловны. Тушка курицы бьет ее по лбу, а лицо покрывается волдырями. Она падает, а я хохочу, а после меня увозят в смирительной рубашке в психушку.

— Мы с Костей все равно остались близкими людьми, — беру ложку и пробую бульон на соль. — Мы уважаем друг друга и благодарны за наш брак.

Оборачиваюсь на Аллу Михайловну:

— Ваш сын не будет со мной счастлив, и я хочу, чтобы со мной были по любви, а не из-за приличий.

— От женщины зависит то, будет ли ее любить мужчина, — горько усмехается Алла Михайловна.

Я не отвечаю. Откладываю ложку обратно на тарелку и тянусь к солонке. Недосолено.

— Костя мне звонил утром, — разгневанно заявляет свекровь. — Хочет познакомить меня с этой самой Викой. Я хотела отказаться, но теперь пойду. Ты безнадежна, а врагом для сына я не стану. Что ж, значит, будет у меня новая невестка, — кривит тонкие морщинистые губы, — раз ее полюбил мой сын, то и я приму.

— Мам, я знаю, что Костю ты любила... — вздыхаю я.

Господи, не так страшен сам развод, как все эти разговоры с родственниками, которые совсем мне не помогают, а наоборот топят.

— Любила, как родного сына, — мама всхлипывает и прижимает платок к глазам.

Я жду, когда она успокоится.

Моя сестра Кристина, сидит с ней рядом и молчит. Обудывает мою новость, переваривает. Пусть и дальше молчи, а то если и она начнет охать и ахать, то я точно психану.

— Мила, — мама шмыгает и вытирает глаза мокрым платком. Смотрит на меня решительно, что пугает, — его приворожили.

Я должна быть с мамой терпеливой. Ей все-таки уже семьдесят лет, и ее мозг может работать немного иначе, чем в молодости.

— Ты его должна вернуть, — мама складывает платок в аккуратный квадратик, который разглаживает узловатыми пальцами на острой коленке.

Кричать на маму я не буду. Она — пожилой человек.

— Мам, — я с трудом выдавливаю улыбку, — это не приворот. Такое бывает. Встретил другую женщину.

— А я вот с мамой согласна, — заявляет Кристина и хму-

рится. — Зря ты не веришь. Моего Ваську вот сглазили же.

Кристина старше меня на десять лет. В пятьдесят четыре, три года назад, она потеряла мужа Василия. Он умер во сне от сердечного приступа. Ему было шестьдесят пять.

О сглазе Кристе на похоронах сказала троюродная сестра Василия и доказала свои слова тем, что игла на черной ниточке покачивалась крестиком над гробом: сначала с запада на восток, а потом с севера на юг.

Чокнутая тетка с бешеными черными глазами.

После похорон Кристя ходила очищаться к какой-то деревенской колдунье, а после переехала жить к маме, потому что их дом был «заражен» темным сглазом.

В общем, с тех пор Кристина с мамой делит быт и жизнь.

— Теперь за тебя взялись, — мама поджимает губы, — у Кристи мужа забрали, а теперь и тебя лишают...

— И кто же? — я позволяю себе немного агрессии в голосе.

Я устала, и слушать бред о сглазе и приворотах, которые уводят мужей от жен, я не хочу. Это глупо.

Надо трезво смотреть на жизнь, даже если очень больно, и я не поддамся глупостям, что кто-то решил разрушить мою жизнь

— Ой, не криви ты так рожу, — Кристина окидывает меня недовольным взглядом, — тебе правильные вещи говорят, а ты опять строишь себя самую умную. Приворожили твоего Костика. Сейчас каждого второго мужика так уводят из се-

мей.

— Надо бабушку Галю попросить отлить воск на Костика, — мама подслеповато щурится по сторонам, а после неуклюже и тяжело поднимается из кресла. Семенит к комоду, на котором лежит смартфон. — Она сразу увидит все.

— Мама, это глупо.

— Глупая тут ты! — Кристина почти кричит на меня и хлопает ладонью по колену. — Ты смотри-ка! Мы ее мужа хотим спасти! В семью вернуть, а она носом крутит!

Мама надевает очки на кончик носа и берет в руку смартфон:

— Пусть ворчит, — касается экрана, — она не понимает, как все это серьезно. Привороженные мужики долго не живут. Помрет Костик, а наша дура и пальцем не пошевелит.

— Я-то своего похоронила, а ты так ничего и не поняла, — Кристина с осуждением качает головой.

Не зря Константин пытался завести со мной однажды разговор, что моя мама явно чудит и что стоит на это обратить внимание, но я его не послушала и не поверила ему.

Сказала ему, что он утрирует.

Нет, он не утрировал.

И что мне делать? Мне мамы и сестры становится жутко и холодно, будто я сижу сейчас рядом с опасными безумцами. Я чувствую свое бессилие.

Вот Костя бы знал, что делать, но я осталась без него, и мне опять страшно.

— Баб Галя, срочно, — шепчет в смартфон моя мама, — на зятя отливку сделай. Горе такое... Уходит от дочки. Думаем, что сглаз.

Я медленно встаю, пячусь к двери:

— Я пойду. Мне пора.

— Вот как душой была, так душой и осталась, — Кристина разочарованно щурится, — до стольких лет дожила, а ума и мудрости не нажила. Мы же тебе добра желаем. Ведь и ты не будешь счастлива. Тоже зачахнешь, если это приворот. Как ты не поймешь.

Я ухожу.

Около пяти минут пытаюсь отдышаться под тяжелым серым небом посреди маминого огорода, и чувствую вибрацию в кармане брюк. Звонит Костя, словно почувствовал, что я сейчас в панике и дикой растерянности.

Я хочу сбросить звонок, но, наоборот, нажимаю зеленый кругляшок и принимаю вызов. Я хочу его услышать в надежде, что хриплый голос почти бывшего мужа успокоит меня:

— Да, Костя? — выдыхаю я.

На забор садится сорока, трясет длинным хвостом, крутит головой и громко стрекочет.

— Привет, — отвечает Константин, и от его тембра ноет в груди, — как ты?

— Хорошо, — лгу я. — Вот у мамы.

Но как же хочется поделиться своей обеспокоенностью и испугом за старенькую маму и попросить помощи. Попро-

ситель поддержки и защиты.

— Рассказала о нашем разводе.

— Да, — зажмуриваюсь и усмехаюсь, — она с моей сестрой решили, что тебя приворожили.

Пусть знает, как другие оправдывают его решение оставить меня и начать новую жизнь с другой женщиной.

Да, для многих дико и страшно услышать, что в сорок семь мужчина может разлюбить жену и уйти без сожалений.

— Это в их стиле, — Костя не злится, не возмущается. Следует нехорошая пауза, а после он спрашивает, — есть планы на вечер? Вика хочет познакомиться с тобой.

Я решила так.

Возможно, если я воочию увижу любимую женщину Константина и познакомлюсь с ней, то мое сердце окончательно умрет, а разум поймет: наша история с Костей окончена.

Эта встреча с моим бывшим мужем должна высечь из меня душу острым раскаленными лезвием, и после этого я перестану видеть во снах, как он бубнит тихую колыбельную и качает на руках нашего первенца.

Я должна прожить эту боль и отпустить, и для меня это возможно лишь через личное знакомство с женщиной, ради которой Костя предал двадцать шесть лет брака.

Встречу Костя назначил в небольшой уютной кафешке в нескольких кварталах от его офиса. Высокие потолки, что украшены нарисованными птицами, темные стены, интимный полумрак и несколько круглых столиков.

Я иду мимо высокой стойки, за которой со мной вежливо здоровается молодой бариста к столику в углу у окна от пола до потолка.

Я не стала наряжаться. Легкий бежевый джемпер, узкие брюки в клетку и туфли на невысоком каблучке.

У меня нет цели восхищать почти бывшего мужа и его новую страсть. Я здесь за умерщвлением души.

Я пришла чуточку раньше. Я успеваю заказать чайник об-

лепихового чая. Когда официант уходит, в двери кафе заплывает стройная блондинка розовом платье с юбкой-солнце, а за ней появляется Константин.

Время замедляется.

Пшеничные волосы Вики уложены в крупные кудри. Лицо — фарфоровое с легким румянцем, и она мне напоминает изысканную коллекционную куклу. Ей максимум тридцать, но те тридцать, которым позавидуют любые двадцатилетки.

Она замечает мой взгляд и, конечно, сразу понимает, кто я. Вика смущенно улыбается мне, когда я в медленном приветствии киваю, а после растерянно и даже испуганно оглядывается на Костю.

Костя подходит, приобнимает свою красавицу, чтобы успокоить и приободрить. Рядом с Викой он выглядит шикарно: взрослый, властный и уверенный мужик, который не даст в обиду свою девочку.

Сердце в груди будто разбухает, не выпуская из себя кровь при глухих ударах, и распирает изнутри легкие, желудок и другие внутренности.

Мне тяжело сделать вдох, и я заставляю себе медленно набрать в грудь ядовитого воздуха, который отравляет меня запахами сладкой выпечки и кофе.

Больно, будто в вены пускают расплавленный свинец, а внутренности перемалывают в фарш, но я взгляда не отвожу.

Запоминаю, как Костя наклоняется к Вике и как что-то шепчет на ухо. Читаю по губам: «Выдыхай, она не кусается».

После он целует ее чуть выше виска в волосы и ведет к столику, за которым я медленно умираю.

Но это был мой выбор.

Я знала, что будет больно, но я хотела избавиться от снов, в которых молодой Костя поет колыбельные и улыбается мне ласково.

Моя любовь к нему — это опухоль, которую я должна вырезать без обезболивающего, а иначе я излечусь.

— Здравствуй, Мила, — говорит Костя, когда он с Викой подходят к столику.

Я поднимаюсь, делаю вежливый шаг к нему и улыбаюсь:

— Здравствуй, Костя.

А после происходит то, к чему стремятся все взрослые и осознанные люди после разводов и расставаний.

Он дружески обнимает меня в приветствии, и я отвечаю тем же. Не отшатываюсь оскорбленно и обиженно, а соглашаюсь с его волей: мы остались близкими родными людьми, которые при встрече могу обняться.

— Хорошо выглядишь, — отстраняется, придерживая мои плечи, и улыбается, всматриваясь в глаза. — В принципе, ты всегда на высоте, Мила.

— Взаимно, — смеюсь я.

— Это Вика, — он, наконец, отпускает мои плечи и вновь приобнимает ту, которая украла его сердце.

— Здравствуйте, Милена, — шепчет она. Неуклюже и суетливо лезет меня обнимать, а после прижимается к моей

щек своей, словно мы давние подружки.

— Привет, — отвечаю я.

Отклоняется от меня, вновь напряженно жмет к Косте в поисках поддержки и защиты.

— Я заказала облепиховый чай, — говорю и сажусь обратно за стол.

— Да, — кивает с широкой улыбкой Вика, — он тут вкусный. А Косте тут нравятся сэндвичи.

Интересно. Эта кафешка есть то самое секретное местечко, которое есть у каждого влюбленного?

— Каюсь, — смеется он и отодвигает стул для смущенной любимки, — но соус тут волшебный. Казалось бы, место непримечательное, а за сэндвичи готов душу продать.

— А я бы посоветовала салатики, — Вика садится напротив меня, — вкусно и для фигуры полезно.

— А тебе уже поздно о фигуре беспокоиться, — мило парирую я, — сейчас наоборот надо кушать за двоих.

— Точно-точно, — звонко и весело смеется Вика, а после резко переходит на шепот, — но я уже знаю, что такое токсикоз.

— Ну, Костя знает, как бороться с токсикозом, правда? — перевожу взгляд на Константина, который поправляет воротник рубашки. Он недоуменно замирает под моим пристальным взглядом и спрашиваю, — или ты уже забыл? Времени-то много прошло с моих токсикозов.

— Вода с лимоном, — вспоминает с улыбкой Костя, — и

долька черного шоколада. Процент какао — не меньше девяноста.

— Может, и Вике полегче будет с этими двумя секретиками, — пожимаю плечами.

Вместе с мужем отдаю Вике и горький шоколад с лимонной водой. Теперь она его женщина.

— Мне придется многое вспомнить, — Костя притягивает к себе Вику, которая прячет от меня смущенную улыбку, — Мила научила быть меня хорошим мужем и отцом, — смеется, — воспитала из оболтуса серьезного мужика.

— С новосельем, Мила, — Костя вручает мне большой и тяжелый букет белых лилий, от которых мне в лицо поднимается волна сладкого запаха. Затем, пока я пытаюсь выдохнуть обратно приторный поток воздуха, он приобнимает меня и целует щеку.

Его теплые губы обжигают кожу.

Плавят до зубов.

— Ну, показывай свои новые хоромы, — он отстраняется и мягко улыбается.

Две недели назад мы забрали свидетельства о расторжении брака. Все было культурно, вежливо и с дружелюбными улыбками. Когда я вернулась в дом, в котором больше не живет и не будет жить Костя, я несколько часов прорыдала в холле у входной двери на холодном мраморном полу.

После я обошла каждую комнату и решила, что мне этот дом без моего мужа не нужен. Я в нем буду печальным и одиноким приведением, которого в каждом углу будут поджидать воспоминания из прошлого.

Я бессовестно продала дом по дешевке.

В два раз ниже рыночной цены. Мне надо было в короткие сроки избавиться от стен, где остались наши с Костей тени любви, заботы и счастья.

Продала и с этим же риелтором, который был рад быстро

выйти на сделку, купила квартиру в одном из новых жилых комплексов на пятнадцатом этаже с прекрасным видом на парк и церковь.

Три комнаты, просторная кухня и теплый широкий балкон с уютным уголком для одинокого чаепития.

— Я не планировала праздновать новоселье, — говорю я Косте и шагаю на кухню, едва удерживая в руках букет лилий. — Да и я только вещи, наконец, разобрала.

Я Костю не приглашала и не уведомляла о том, что продала дом, но, вероятно, он узнал от сыновей, которых я сама только на днях порадовала новостью, что переехала.

Узнал и явился к полудню с огромным букетом моих любимых лилий, от которых меня сейчас тошнит.

— Почему ты меня не предупредила? — Костя, скинув туфли, шагает за мной.

Мы остались друзьями.

Близкими людьми.

Я согласилась с его игрой, поэтому поздно кричать и выгонять того, с кем я якобы вожу дружбу.

Может, стоило быть неадекватной истеричкой?

— Это было спонтанное решение, Костя, — вздыхаю я. — А потом как-то все закрутилось, — оглядываюсь на бывшего мужа, — шутка ли, я за десять дней продала, купила и переехала. Не было ни свободной минутки.

— Какая ты шустрая, — Костя прищуривается, а я мило, но отчужденно улыбаюсь.

Ему к лицу костюм из светлой шерсти в тонкую белую полосочку. Подчеркивает его мужскую аристократичность и сдержанность.

— Но я думал, что ты останешься жить в нашем доме...

Нет.

Ни за что.

Если бы я там осталась, то я бы сошла с ума. Медленно, тихо, но верно. Каждый кирпичик этого дома, каждый кусочек черепицы на крыше пропитан нашей любовью, нашими надеждами, нашими голосами, нашим смехом.

Кладу лилии на стол и лезу в верхний ящик за высокой стеклянной вазой под пристальным взглядом Кости.

Он оскорблен тем, что я посмела продать наш дом без его разрешения? Но после развода он стал моей собственностью, и поэтому его претензии будут звучать глупо.

Он и сам это понимает.

Он ведь тоже наш дом оставил.

— Я бы помог тебе со сделкой, Милена, — говорит Костя.

Ну да.

Мы же не чужие друг другу люди. Все же правы те, кто расстается с мужьями в криках и взаимной ненависти.

Гнев и обида нелюбимых женщин лечит, но я испугалась громкой ярости и теперь вынуждена с улыбкой терпеть бывшего мужа на моей новой кухне.

— Я же справилась, — Наливаю в вазу холодную воду из-под крана, крепко удерживая вентиль. На Костю не смотрю

Дышу медленно, чтобы совладать с болью в груди. — Да и дергать тебя, Костя... Это неправильно, — вот теперь перевожу взгляд на Константина, — зачем нервировать Вику?

Вода переливается через горлышко вазы. По пальцам бегут ледяные струйки, но я не могу повернуть вентиль обратно, чтобы перекрыть воду. Рука будто онемела, когда наши взгляды с Костей встретились.

— А почему она должна нервничать? — недоумевает Костя. — Она насчет нас спокойна, — пожимает плечами. — Она увидела и поняла, что мы очень тепло друг к другу относимся.

Мне все удастся закрыть воду резким движением. Я сглаживаю.

Меня можно поздравить. Я отличная актриса, и мне, наверное, стоило в юности идти в театральный. Такой талант пропадает. Я даже новую женщину бывшего мужа убедила, что у меня к Косте ничего нет, кроме уважения и благодарности.

Никакой любви, ревности, отчаяния и боли.

— Все равно, — наконец, отвечаю и возвращаюсь к лилиям на кухонном столе, — у тебя сейчас другие заботы, Костя.

Он внимательно следит за мной, привалившись к косяку плечом. Под платьем бегут мурашки.

Отрываю лишние листья со стеблей лилий и аккуратно откладываю в сторону.

Когда Костя уйдет, то я разрешу себе поплакать около два-

дцати минут, а после приложу к опухшим гидрогелевую маску, что я прячу в морозилке рядом с замороженными ягодами.

Закидываю пару очищенных лилий в вазу.

Надо найти новые любимые цветы.

— Знаешь, я еще пришел серьезно поговорить с тобой,
— заявляет он. — Я бы хотел узнать о твоих дальнейших планах на жизнь, Милена.

Я на секунду теряю дар речи от вопроса Кости.

Он, что, решил контролировать меня и мою жизнь? С трудом сдерживаю в себе желание кинуть вазой в наглую рожу бывшего мужа.

Я обещала не показывать ему свою слабость. Боль. Отчаяние. И главное — любовь, которая сейчас подобна десятку лезвий в моем сердце.

— Я не совсем поняла твой вопрос, — сую очередную лили в вазу.

— С продажей дома и переездом я тебе не помог, — он смеется, — но... может быть, в силах подсобить в другом. Ну, например, решишь для души чем-то заняться...

Поднимаю на него взгляд:

— Все еще не понимаю, Костя.

Я, правда, не понимаю, потому что мой мозг сейчас не способен трезво оценивать ситуацию. Все ресурсы и вся энергия тратится на то, чтобы сдерживать истерику и крики.

— Не хочешь бизнес открыть? — наконец, Костя спрашивает прямо. — Раз в тебе столько энергии, то ее надо куда-то направить.

Ни о каком бизнесе я думать не думала.

Может, другие женщины, конечно, после развода открывают крутые проекты, а после нескольких месяцев покоряют

вершины делового мира, но я не из таких.

— Я даже не знаю, Костя, — расплывчато отвечаю я, потому что не хочу выглядеть в глазах мужа тоскливой одиночкой без интересов в жизни, — я пока только... думаю?

— Я бы мог тебе в этом помочь, — Костя пожимает плечами и садится за стол, лихо отодвинув стул. Смотрит на меня. — Свел бы с хорошими консультантами, юристами и... в любом случае, я бы был полезен. Пока я тут.

Пока он тут?

Откладываю лилию и медленно разворачиваюсь в сторону Кости, который мягко мне улыбается:

— Помнишь, я с венграми вел переговоры?

Я коротко и растерянно киваю.

Костя очень амбициозный бизнесмен, которому тесно в одной лишь России и странах ближнего зарубежья. Он все эти годы стремился на международный уровень и шел к тому, чтобы поставка его сельскохозяйственной техники была налажена и в Европе.

Наши русские тракторы должны бороздить не только матушку-Россию.

— Я буду открывать новый завод по сборке, — поясняет Костя. — Наши парни будут тут рулить, а я поеду к венграм. У меня ресницы вздрагивают.

Как же так?

— Когда? — сипло спрашиваю я.

— Через полгода, — он немного клонит голову набок. —

А там, может, и немцы подтянутся.

— У тебя получилось, — я тоже сажусь на стул и прячу руки под столом, чтобы скрыть дрожь в пальцах. — Я тебя поздравляю...

Я хочу улыбнуться, но у меня выходит какая-то вымученная гримаса.

Он улетает.

Он не только бросил наш дом. Он теперь будет жить в чужой стране. В сердце обрывается последняя ниточка, что связывала нас.

— Рано говорить, что получилось, — Костя обнажает белые крепкие зубы в улыбке, — может, я просто бабки потеряю.

— Ты никогда не терял деньги, Костя, — качаю головой, не отводя взгляда от любимого лица с высокими скулами и четкой линией челюсти и подбородка.

— ты чувствуешь, когда можно рисковать, а когда нет. Чувствуешь, где есть будут деньги и толк, а где...

Я все же сбиваюсь, но чтобы обмануть Костю, я кашляю и шепчу, прикрыв нос:

— Лилии ты выбрал душистые... — закрываю глаза и медленно выдыхаю, — вот это ты, конечно, новость принес...

— И парням будет на пользу, — Костя задумчиво поглаживает щеку, — а то я все равно их как-то сдерживаю. Они на меня вечно оглядываются.

Делаю новый вдох и выдох.

Для Кости действительно начинается новая жизнь: у него новая женщина, новый ребенок, новая страна, новые грандиозные планы.

А я?

Я тоже должна показать Косте, что у меня есть планы на эту жизнь. Я судорожно соображаю, и в голове всплывает закрытая студия йоги, за которую зацепился мой взгляд, когда я в первый раз с риелтором приехала в этот жилой комплекс.

— Йога, — шепчу я.

— Что? — недоумевает Костя.

— Студию йоги хочу, — заявляю я громче.

Для нервов полезно. Мне как раз надо познать нирвану через медитацию, а то я точно потеряю свою кукушку.

— Неожиданно, — Костя вскидывает бровь.

— Для души и тела, — сжимаю ладони под столом в кулаки, — может быть, денег больших не сделаю...

— Ты только в крайности не впадай, — Костя хмурится и перебивает меня, — не будь той сектанткой, которая солнцем станет питаться, — внимательно смотрит на меня, — а если не йога, а старая добрая классика? Фитнес? Мне кажется, это более рентабельно и востребовано у женщин.

Говорит сейчас не как бывший муж или близкий родной человек, а как бизнесмен и тот, кто чует деньги и успех в долгосрочной перспективе.

И вот у меня сейчас сложный выбор.

Послушать Костю и с его помощью быть кем-то еще кроме брошенки или проявить упрямство и прогореть с нирваной и медитациями?

— Но если все же йога тебя тянет, — Костя откидывается назад, — то тебе бы с Викой на этот счет пообщаться. Уже пару лет на йогу ходит, и с одной из инструкторш дружбу завела. Вот будет тебе, — бархатный смех, — первый подчиненный и первый клиент хотя бы на полгода.

— Ну... — мой средний сын Олег не смотрит на меня, когда я вручаю ему стакан с водой, — значит, ты папу, правда, разлюбила...

Пришел в гости проведать меня.

Болтали о всякой ерунде, и наша милая беседа сына и мамы как-то свелась к Константину.

Олег спросил, знаю ли я, что папа улетает в Венгрию. Я спокойно и отстраненно ответила, что в курсе планов Константина.

Голос был ровный тихий, а в груди сердце, в которое загнули сотню иголок, билось через боль.

В итоге получила тоскливый ответ:

— Значит, ты папу, правда, разлюбила.

Я всегда говорила, что детям врать нельзя. Если не мама, то кто будет с ними честной и открытой?

Но... жизнь забавная штука.

— Так случается, Олег, — я хочу пригласить непослушные волосы на виске Олега, но он дергается в сторону и, наконец, смотрит на меня.

Я замираю с протянутой рукой.

Сколько в глазах моего сына разочарования. У меня аж сердце будто останавливается, но я мягко улыбаюсь:

— Да, такое случается.

Я бессовестно лгу о своей нелюбви к Константину. Я не хочу быть слабой и жалкой в глазах сыновей.

Я не хочу, чтобы они знали о моей умирающей в луже крови душе.

Пусть лучше разочаруются во мне и обвинят в том, что Костя завел другую женщину от моей нелюбви и равнодушия, чем жалеют.

— С вами не должно было случиться, — упрямо заявляет Олег. — Господи, мам... он делает глоток воды, растерянно отступает к дивану и опускается на подлокотник, в детском страхе глядя на меня, — почему?

Что же.

Теперь у моих сыновей не будет вопросов к отцу, почему он изменил, ведь у него есть индульгенция: мама разлюбила папу.

Но лучше так.

Может быть, я сама со временем поверю, что не любила Костю.

— Что почему? — уточняю я.

— Почему ты... разлюбила отца?

Я не отступлю и не выпущу из себя слезы перед сыном. Пусть лучше злится, недоумевает и обижается за то, что я разрушила его идеальную картину мира, где мама обязательно любит папу, но не жалеет.

— Потому что... — пожимаю плечами и сажусь в кресло напротив сына, — так бывает, Олег.

Эта ложь — лезвие опасной бритвы, которой я сейчас кромсаю сердце в попытке выпустить из него отчаянную любовь к Константину.

Эта ложь — серная кислота в легких.

Эта ложь — гвозди в костях.

Но я не отвожу взгляда от сына, и дыхание у меня ровное. — Просто в какой-то момент... все стало обычным, Олег, — продолжаю говорить я. — Мне стало скучно рядом с вашим отцом. Я ничего от него не хотела. Просто хороший сосед, который после ужина складывает посуду в посудомойку и бубнит под нос какие-то песенки.

А я так любила время после ужина именно из-за того, что Костя мило бубнил песни под нос и даже иногда пританцовывал, когда вытирал стол, а после нас ждало уютное чаепитие на веранде в сумерках.

— Хороший сосед? — горько переспрашивает Олег.

— Да.

Ни один мужчина не должен знать, как бывает больно женщинам после развода.

Ни один мужчина не должен даже подозревать о том, как женщины могут любить предателей.

Ни один мужчина не должен даже подумать о том, что для женщины развод подобен смерти.

Даже сыновья.

Пусть лучше боятся, что жены могут разлюбить и что же-

ны ни слезинки не проронят после новости, что на стороне будет ребенок.

Именно любовь мужчин и разбаловала. Жены и их чувства перестали быть ценностью для них.

— Но вы ведь так любили друг друга... — Олег не унижается.

— Даже великая любовь может затухнуть, — вздыхаю. — Не мы первые, Олежа, не мы последние. Мы вас вырастили в полной счастливой семье, и это главное, а сейчас вы взрослые и уже понимаете, что жизнь не сказка.

— И ты его... действительно отпускаешь?

— Глупый вопрос, Олег, — хмурюсь. — В той ситуации, в которой мы с твоим папой оказались, самое верное решение отпустить друг друга. Пожелать счастья и жить дальше.

Какие трезвые и логичные речи я веду, но все это — вранье. Гениальное вранье, в которое поверят все. Костя, наши родственники, друзья, знакомые, но зато никто и слова не скажет о том, что развод по мне сильно ударил.

Нет, не ударил, ведь я не люблю Костю.

— У меня матерных слов даже не хватит, — Олег выпивает залпом воду, резко встает и крепко сжимает пустой стакан. — Бабушка была права в том, что ты все это допустила, да?

Это он сейчас говорит о моей свекрови. Ну, она сделала свои выводы из происходящего.

Олег не дожидается моего ответа и шагает прочь, а потом

возвращает и отставляет стакан, который чуть не забрал с собой, на низкий столик с громким стуком.

Хмыкает и с осуждением качает головой, глядя на букет лилий в вазе на высокой тумбе в углу гостиной.

Да, цветы я не выбросила. У меня ведь нет чувств к Косте. Ни любви, ни ненависти, а цветы — это просто цветы.

Так я себя приручаю к тому, что в душе моей должно быть холодно и мертво.

— Тогда и на свадьбу приглашение примешь, да? — Олег переводит на меня взгляд.

Молчу, потому что спирает дыхание. Я лишь недоуменно скидываю бровь, закусив кончик языка до острой боли

— Да, — усмехается Олег, — они решили сыграть свадьбу в России.

— Сегодня особенный день для вас, — говорю я, подняв бокал с игристым шампанским. Пузырьки поднимаются и лопаются искорками. — Костя... — смотрю на мужа, который непростительно хорош в свадебном фраке, - Начинается новая жизнь, новая семья. Будь счастлив, мой дорогой человек.

Когда-то, в прошлой жизни, желали хорошего мне и ему: любви, здоровья, детишек, верности и счастья, а теперь я стою под восхищенными взглядами в элегантном пудровом платье, что сшили мне на заказ лучшие портные, и поздравляю бывшего мужа и его новую жену со свадьбой.

Я знаю, что я сейчас выгляжу хорошо. И даже тяну на тот идеал, о котором шепчутся молодые девчушки: сильная, красивая женщина с достоинством отстраненной аристократки.

Я выше скандалов, выше обиды, выше ревности и любви.

— Берегите друг друга, — мягко улыбаюсь и перевожу взгляд с Кости на красавицу Вику, которая закусывает губы, сдерживая слезы, — любите друг друга.

— Спасибо, Милена, — отвечает за столом молодоженов мой Костя и поднимает бокал.

Наши взгляды на пару секунд пересекаются, и я чуть не срываюсь в крик отчаяния и ненависти, но вместо этого я говорю:

— Тогда... Горько!

А дальше все размывается в мутные пятна, которые периодически вспыхивают яркими и четкими картинками.

— Я вам так благодарна, Милена, — вот меня за руку держит Наталья, мать Вики, — что вы не затаили обиды и злости на мою дочь. Вы, — она всматривается в мои глаза, — удивительная женщина.

В маме Вике нет ничего примечательного, кроме разноцветной броши на груди в форме павлина из искрящихся камушков.

— Но они любят друг друга, — Наталья сжимает мою ладонь и в уголках глаз собираются слезы, — а кто мы такие осуждать любовь?

— Вы правы, — отвечаю я и вновь тону в размытых тенях под громкую музыку и новые поздравления.

— Я не понимаю, — цыкает одна из жен деловых партнеров Кости. Кажется, ее зовут Ирина, — да что он в ней нашел?

— Ее сердце? — смеюсь я.

— Святая ты женщина, Мила, — фыркает Ирина. — Мы уже не в том возрасте отпускать мужиков к их шлюхам. Пусть гуляют, но... жен менять нельзя.

И зыркает на своего мужа, который в стороне с одобрительными улыбками похлопывает Костю по плечу.

Опять все размывается. И я очухиваюсь у фуршетного стола.

— Вы как? — в мое лицо заглядывает невестка Оксана. Жена старшего сына. — Держитесь?

— Я бы даже сказала, веселюсь, — снимаю губами оливку со шпажки и обнажаю зубы в улыбке, — а ты как?

Кладу на ее круглый живот руку. Мне прилетает приветливый пинок.

— Если... — Оксана раздувает ноздри, — если Илья через двадцать лет... решит жениться на другой, то я его убью. Вот так. Я прощать такое не буду. И уж точно быть на его свадьбе.

Ну, я что-то подобное ожидала от невесток.

Я знаю, что после развода с Костей, у наших сыновей была напряженная ситуация в семьях. Если свекр позволил после стольких лет уйти от жены, то и его сыновей можно ожидать подобного через лет двадцать?

Оксану уводит Илья, но перед этим целует меня в щеку и говорит, что я здесь самая красивая и смеется:

— Папа у нас дурак.

Затем на террасе ресторана меня ловит младший сын Паша. Приглашает на танец в попытке отвлечь, решив, что я сбежала из главного зала поплакать.

— Папа реально основные акции отдает нам, — он ведет меня по кругу под вечерним небом.

— Почему ты удивлен?

— Я думал, что это лишь пустые обещания.

— Он никогда с таким не шутил, — пожимаю плечами. —

И все эти годы он вас с малолетства готовил, что вы встанете во главе его бизнеса.

— Мам, — он хмурится.

— Что?

— Как так получилось?

— А что отец сказал на этот вопрос? Ты спрашивал его об этом?

Мне сейчас уже и плакать не хочется. Душа моя онемела, будто ее опустили в жидкий азот.

Может, я, наконец, пришла к равнодушию и не любви?

— Сказал, что та любовь, которая родила нас, воспитала и та любовь, что ждала общей старости, — вздыхает, — ушла, — цыкает, — и повторил всю ту же галиматью, а том, что вы остались близкими людьми и друзьями.

— Ну, мне нечего добавить, — пожимаю плечами. — Теперь, глядя на нас, не допустите, чтобы ваша любовь с женами никуда не ушла.

— Глядя на вас, — Паша останавливает танец и отступает, — хочется просто удавиться, если честно.

Отмахивается и сердито возвращается в главный зал, нервно одернув пиджак. Я его не останавливаю. Он — младший, и ему сложнее, но когда у них с Настей родится ребенок, то он забудет об обиде на мать и отца, которые решили развестись.

Подхожу к мраморным перилам, опираюсь о них руками и поднимаю лицо под прохладный ветер.

— А чего Пашка опять психует? — слышу голос Константина.

Оглядываюсь. Ко мне шагает Константин и поправляет галстук-бабочку на шее.

— А ты, что, сбежал от невесты?

Низко и бархатно смеется. Высокий, статный и красивый, но не мой. Теперь он чужой муж.

Так странно.

Я будто вижу какой-то абсурдный кошмар наяву.

Может, я проснусь.

— Нет, — подходит ко мне и улыбается с родственной приветливостью, от которой меня начинает мутить, — у меня ее украли подружки.

Я надеюсь, что сейчас еще кто-то выйдет к нам. Кто-то пьяный, веселый и нарушит наше с Костей сомнительное и неловкое уединение, но этого не происходит.

Я и он так и стоим друг напротив друга под звездным небом.

Он неожиданно протягивает руку открытой ладонью вверх:

— Потанцуешь со мной?

Станцевать с тем, кого сегодня благословила на любовь с другой?

С тем, кого я люблю так сильно, что кажется: я сейчас от его родной улыбки умру?

С тем, для кого родила троих сыновей в слепой надежде, что наша любовь вечна?

Я делаю беззвучный шаг к Константину, и в следующее мгновение обхватываю протянутую ладонь своими и крепко сжимаю, вглядываясь в любимые глаза, в которых вспыхивает легкое удивление, но ничего больше.

— Это будет лишним, Костя, — мой голос не дрожит.

Его ладонь теплая, сухая и шершавая.

Запоминаю ее твердость, которая может быть мягкой и нежной. — Это странно. Есть правила. Жених на свадьбе танцует только с невестой и с мамой, а другие женщины — мимо.

— Не должен жених танцевать с бывшей женой, — улыбаюсь уголками губ.

Будет ли конец моей боли, которую я сейчас пытаюсь забыть, затоптать, задавить? Или она останется во мне до конца моих дней?

Боюсь, что да. Она меня не оставит.

Я из тех женщин, кто любит раз и навсегда.

— Не подумал о правилах, — Костя в ответ тоже сжимает мою ладонь.

Сердце отбивает такой сильный удар, что его мог услышать Костя.

— Меня эти формальности утомили, — он смеется, а затем тянет мою ладонь к лицу и целует костяшки моих пальцев.

Я не шевелюсь.

Это жест не интимной романтики между двумя влюбленности. Нет. Это поцелуй в костяшки пальцев — высшее проявление родственной близости и благодарности от мужчины к женщине.

В Косте действительно ничего ко мне не осталось, как к любовнице. Он видит во мне родственницу. Очень близкую и любимую.

Я ему теперь, как сестра, которую он получил к сорока шести годам.

— Спасибо тебе, — всматривается в мои глаза.

Он не узнает, что я сейчас от его слов умираю.

Ни за что. Никогда. Под пытками не признаюсь, что он перемолол мою душу в фарш. На смертном одре никому не скажу о своей боли.

Раз я ему сестрой стала, то и он для меня брат, а не мужчина. Пусть верит в то, что мне все равно на его любовь с другой. Пусть верит в то, что искренне рада за его счастье. Пусть верит в то, что он для меня тоже стал родственником,

которому я могу спокойно улыбаться сейчас.

Пусть в это верят все.

Пусть разочаровываются во мне, но я не хочу, чтобы за моей спиной шептались:

— Она его так любила... А он ее бросил... Мерзавец и не пожалел...

— Она так сникла после развода... Боже мой, женщине нельзя так любить мужчину...

Я не желаю, чтобы в голове его новой жены была мысль, что она забрала любимого мужчину. Нет. Пусть даже не думает о том, что я страдаю от того, что мой муж нашел в ней утешение.

Пусть она обсуждает со своими подругами то, какая я дура, что разлюбила и спокойно отпустила такого мужика, но не о том, как мы с Костей громко и некрасиво расстались перед разводом.

Я проигравшая, но проигравшая без разбитого сердца.

И Костя не будет вечерами вздыхать о том, что ушел от любящей женщины, и жалеть меня не будет.

Не посмеет жалеть, ведь свою игру под названием “нелюбовь” я ни разу не поставила под сомнение моего главного зрителя — Константина.

— И тебе спасибо, Костя, за все, — я продолжаю мягко улыбаться, — у нас был хорошая семья, — смеюсь, — прям как в рекламе какой-нибудь зубной пасты.

Вновь сжимает мою ладонь и хочет, что-то сказать, но его

перебивает визг, в котором я узнаю Вику.

На мгновение я вся замираю, а затем кидаюсь следом за Костей, который отпускает мою руку и шагает прочь.

— Что это?! Что?! — кричит Вика так громко, что у меня кровь сворачивается в венах.

— Проститутка! — слышу голос мамы. — Прошмандовка! Легла под женатого и стоишь в белом платье?! Совести никакой!

Проклятье.

Я сегодня была на высоте, но все испоганила моя мама и сестра, чей скандальный голос орет:

— Мразина! Заговорила! Приворожила нашего Костика, шалава!

— Уберите их! Глаза, дайте промыть глаза!

Я не говорила ни маме, ни сестре дату свадьбы, не раскрывала планов быть на ней, а они все равно заявили с криками и скандалами.

Позорят меня. Позорят моих сыновей перед серьезными людьми, которые теперь будут смеяться надо мной.

— Ты его приворожила! Это тебе аукнется! Он не будет с тобой! Не ты его судьба, а наша дочь!

— Костя, кто это?! Костя! — верещит Вика и забегаю в главный зал.

— Боже мой, да я бы сам развелся с такой-то тещей, — хмыкает один и деловых партнеров Кости и делает глоток из бокала, — бабке в дурку пора. Да, вот уж точно старость не радость, — смеется с женой.

— Я всегда говорила, что Константин связался с семье хабалок и деревенщин, — заявляет его жена, с которой Костя знаком с младшей школы. — Милу, наверное, удочерили, — усмешка, — она другая, а эти... слов нет.

Я в ужасе наблюдаю за тем, как Илья и Паша пытаются вывести мою орущую мать из зала, которая выплескивает из пластиковой воды воду в сторону испуганной Вики.

Олег же тащит прочь мою сестру. Она с визами отбивается:

— Не будет тебе счастья, мразь! Он — наш!

— Я могу поделиться контактами психиатра, — ко мне подплывает Лена, двоюродная сестра Константина. С разочарованием и жалостью смотрит на мою мать. — Это такая трагедия, когда родители... — переводит взгляд на меня, — сходят с ума. Сначала развод, теперь это...

Десятки глаз с насмешкой и удивлением глядят на мою мать и сестру. Качают головами, вздыхают, а после бросают на меня жалостливые взгляды.

А как тут не жалеть-то.

У меня мать чокнулась.

— Ну, теперь хоть не так скучно, — смеется другой женский голос, и даже не хочу разбираться, кому он принадлежит, — бабка зажгла. Ой, Мила, без обид. Но это правда забавно, и... да, маму надо показать специалисту. А вторая кто? Сестра? Боже... Мои соболезнования, с такими родственниками и врагов не надо. Атас.

Костя подходит к Вике, отгоняет ее истеричных подружек, что пытаются вытереть ее лицо, грудь и руки салфетками.

Обеспокоенно заглядывает в глаза, осматривает кожу и молча уводит прочь в глубину зала. Вика ревет, прижимается к нему и путается в подоле свадебного платья.

— Это заговоренная вода! — продолжает орать моя мать, и я закрываю глаза. — Она смыла твои грязные привороты! Он вернется к моей дочери!

— Мне жаль, Мила, — шепчет Лена и поглаживает меня по спине.

Пусть голосок сладкий и ласковый, но Лена злорадствует. Она кайфует от того, что я все равно оказалась в той ситуации, когда знакомые, родственники, партнеры Кости косятся на меня с жалостью, ведь происходящее показало всем из какой я семьи.

Семьи деревенщин, хабалок и чокнутых бабищ, которые заговаривают воду, орут и беснуются, как одержимые, не зная приличий и наплевав на то, что позорят дочь и внуков. Не Вику.

Вике они подыграли.

Костя вновь с Викой. Он увел ее и увезет в своих теплых объятиях далеко-далеко от этого скандала, а мне и моим сыновьям жить тут.

Моим сыновьям вести дела с теми, кто сейчас прячет глумливые улыбки за бокалами с дорогим пойлом. Горящими глазами наблюдают за тем, как мои мальчики с уговорами тащат придурочных идиотов за собой, и переглядываются между собой.

На переговорах, на встречах и на других деловых мероприятиях эти шакалы будут помнить то, как безумная бабка Олега, Павла и Ильи орала про то, что найдет порчу на Вику.

В мире больших денег никто не удивляется любовницам, вторым женам, эскортницам. Это часть жизни тех, кто ворочаем миллиардами, и никто из них не станет осуждать мужчин за то, что они изменяют, участвуют в оргиях или заводят вторые семьи. Но они с удовольствием посмеются над безумной матерью той, кому еще совсем недавно с восхищением улыбались и дарили громкие комплименты.

Моя мать стала звездой этого вечера, и теперь моих сыновей будет при встрече невзначай и со лживой печалью спрашивать:

— Как бабушка?

— Мила, — шепчет кто-то, — это твоя мама и сестра?

Всем было насрать на Вику и Костю. Эта свадьба - одна из верениц множества мероприятий, на которые приходят

поскучать несколько часов и уйти, но теперь все оживились.

Я и мои сыновья стали мишенью невероятно сочувствующих взглядов, скрытных ехидных улыбок и шепота:

— Какой ужас. Наверное, и Милу так же однажды переclinит.

— А, может, уже начинает переclinивать? — мерзкий хохоток.

— Так ее жалко, — отвечает кто-то в гуле голосов, — она так хорошо держалась, а тут... и даже сейчас держится...

— Да я бы после такого с матерью вообще перестала общаться. Позорище какое.

Я глубоко выдыхаю, выпуская весь воздух из легких, и делаю несколько уверенных шагов центр зала. Все затихают. Все ждут продолжения шоу.

— Я прошу прощения за мою маму и сестру, — сдержанно улыбаюсь безликим гостям. — У них сейчас очень непростой период.

— Мы... понимаем... Мила...

— Ох, какой кошмар...

Я медленно разворачиваюсь в сторону распахнутых дверей и решительно, без истерики и слез иду на крики мамы и сестры.

Сейчас я их ненавижу. Люто и до клетота в груди.

— А кто-нибудь эту бабку снял? — тихо смеется чей-то восторженный подростковый голосок. — Скиньте мне, плиз. Это же просто отборнейшая кринжатина. Бабка точно станет

в интернете знаменитостью. Просто топ!

— Не смей, — зло и мрачно отвечает мужской голос. — Мне с этой семьей еще работать, доча. Убрала телефон. Быстро.

Сколько раз я отмахивалась от Кости, когда он говорил, что его напрягает моя мама и сестра и что их поведение становится все более странным? Множество! Я отмахивалась и говорила, что он зря цепляется! Что он надумывает! Что он всегда недолюбливал моих родственников!

Дура!

— Это ты их подговорила, Мила? — ко мне выходит свекровь. Берет меня за руку и зло заглядывает в глаза. — Все-таки испортили свадьбу моего сына, да? Довольна? Вот зачем ты пришла?

— Ты не борешься за своего мужа, — возмущенно кричит мама, — но нами, как всегда, недовольна!

Маму и сестру увели в одну из пустых вип-кабинок ресторана на втором этаже. Всю дорогу они продолжали кричать какую-то лабуду про очищение и вплетали в свои визги обрывки молитв.

— Вот-вот! — на повышенных тонах соглашается моя сестра Кристина и грозит мне пальцем. — Это ты должна снимать привороты! Ты! Ты же жена!

Рядом с ней валяется пустая пластиковая бутылка.

Я перевожу взгляд с одной чокнутой тетки на другую, и не знаю, как реагировать на их бредни о том, что Вика приворожила Костю.

— Мы помогаем тебе! — восклицает мама. — Помогаем вернуть твоего мужа к тебе! Мужчины слабые! И да, это не любовь! Это темные чары!

— Она не верит, — Кристина сердито отмахивается. — Вот поэтому это шалава и побеждает! Ты не веришь! Ты не борешься! Ты не молишься! Ты не очищаешься сама и не очищаешь мужа!

— Доченька, — мама меняет тактику с агрессивных криков на тихую нежность. Делает ко мне шаг, хватается за ладони и крепко их сжимает, заглядывая в мои глаза, — милая

моя, да пойми же ты... ты теряешь его... ты бросаешь его в беде... ты должна поехать сейчас нами к бабушке Гале. Она тебя ждет, без тебя Костю не вернуть... эта падла мерзкая заморозила его, в сети его свои заманила... Бабушка Галя тебе все сама покажет... она увидела черную тень над ним, доченька... Погубит она его...

Если я сейчас начну говорить маме, что ей и сестре пора показаться специалистам, то она ведь не услышит меня?

Нет, они не согласятся сейчас поехать к психиатру.

Меня охватывает холодная паника.

Мама и сестра незаметно для всех чокнулись, и теперь я не знаю, как с ними быть. Добровольно они не лягут в психиатрическую больницу, а на принудительную диспансеризацию веры в башку Галю и привороты недостаточно.

— Это и наша вина, — мама крепче сжимает мои ладони и в ее глазах блестят слезы, — мы перестали молиться за вас с Костиком. Забылись, Мила, и вот... а эта шельма только и ждала... отродье черта...

— Мама, — шепчу я, — ты пойми...

Я четко осознаю, что сейчас ни мама, ни сестра не способны сейчас мыслить рационально и логично. Какая-то бабка промыла им мозги, и они ведь не первые и не последние, кто верит в привороты и колдовство.

— Ты его теряешь, — шепчет мама, — понимаешь это, или нет? Последние ниточки рвутся.

— Она сама под заговором, — тоскливо говорит Кристи-

на, — баба Галя так и сказала. Надо и ее очистить. Прозрей!

Зажмуриваюсь, когда мне в лицо летят холодные брызги воды. Вырываю руки из захвата мамы, вытираю капли со щеки и прижимаю кулак на несколько секунд ко лбу.

Крики и агрессия не поможет.

Я не должна поддаваться истерии. Я должна понять, как быть дальше. Как спасти мать и сестру.

— Доченька, эта шалава...

— Хватит, мама, — убираю руку с лица и серьезно смотрю на мать, — я не хочу никого возвращать.

— Твои мысли запутали, — мама всхлипывает. — Отвернули от Кости...

Мать и мою сестру надо успокоить их же оружием. Отрезвить шоком и растерянностью, а потом тихо и спокойно увести домой, пока они не очухались.

Если уж вызывать санитаров с успокоительными, то домой, а не к ресторану, в котором собрались богатые гиены и шакалы.

— Возможно, это я сделала так, чтобы Кости больше не было в моей жизни, — подаюсь в сторону шокированной мамы, — может, был ни приворот, мама, а отворот? Может быть, я так устала от Кости, что уже не знала, как отвязаться от него? М?

Мама округляет глаза, испуганно отступает от меня, прижав руки к груди, а сестра смотрит в сторону дверей, прикрыв рот ладонью.

— Не надо мне возвращать того, от кого я рада избавиться, мама, — зло шепчу я. — И ни одна бабушка Галя вам в этом не поможет, потому что меня утомил брак с Костей.

И только потом оглядываюсь. В дверях стоит мрачный Константин, который уже успел снять пиджак. Наверное, накрыл им свою прекрасную невесту, чтобы успокоить и согреть.

Он и меня своим пиджаком не раз согревал и успокаивал.

— Подуспокоились? — тихо и грозно он спрашивает маму, которая сникает по его взглядом и отворачивается.

— Ты не один сбился с пути, — сказала мама Косте, заглянув в его мрачные глаза, — но и наша Мила, поэтому все так...

После она с Кристиной тихо ушли.

Больше не кричали и никого не поливали водой.

— Наверное, теперь и меня будут очищать у бабки Гали, — вздыхаю я.

Голова болит.

Прижимаю ладони к пульсирующим вискам и закрываю глаза.

— Что за бабка Галя? — уточняет Костя.

— Это уже не твоя забота, — поднимаю взгляд на него.

Свадьба Кости испорчена, и, конечно же, он хочет знать, кто подговорил бывшую тещу на крики, проклятия и на фонтан воды в лицо любимой невесты.

— Что за бабка Галя? — повторяет вопрос Костя и хмурится.

— Какая-то гадалка, знахарка, — пожимаю плечами и откидываюсь на мягкую спинку диванчика. — Костя, я не знала, что они планируют...

— Я тебя ни в чем не обвиняю, — он проходит к окну и напряженно выглядывает за тяжелую штору.

Не думаю, что его обидели мои лживые слова о том, что

я его разлюбила в браке и что я хотела от него избавиться.

Такие речи злят только тех, в ком остались хоть какие-то чувства, а Костя давно любит другую.

— Что будешь делать? — он разворачивается ко мне. — Мила, ты, конечно, опять начнешь защищать мать, но тут уже пахнет клиникой. И только из уважения к тебе, я опять себя сдержал.

Вот теперь в его глазах вспыхивает проблеск холодной стали. Он зол. Он недоволен, и любую другую наглую и тупую бабку он бы наказал.

Его любимая женщина оказалась в опасности. А если бы в бутылке была не вода?

— Ты не думаешь, что твою маму надо... полечить? — Костя не сводит с меня угрюмого взгляда. — И сестру твою тоже за компанию. И знаешь, я не соглашусь, что это не моя забота, Мила. Я очень много лет терпел твою маму, но сейчас... мое терпение, кажется, кончилось.

— Ты предлагаешь их закрыть в психушке? — едва слышно спрашиваю.

— Им нужна помощь, Мила, — Костя хмурится. — И я бы их отсюда уже отправил в палату с мягкими стенами. На месяцок прочистить мозги. Сегодня вода, а завтра они решат с кислотой заявиться к моей жене?

Внутри все обрывается от его слов.

Моя жена. Уже не Вика и даже не любимая женщина, а “моя жена”. Еще пару месяцев назад ею была я.

— Ты как умная женщина сама должна понимать, что тебе хватит закрывать глаза на твою маму и сестру, — терпеливо проговаривает Костя.

Я молчу и отвожу взгляд.

Меня подташнивает от страха, что у моей мамы начинается старческий маразм. Я потеряю не только мужа, но и маму?

Я чувствую себя сейчас маленькой, одинокой и слабой девочкой. Я хочу объятий, без которых мне тяжело дышать под волной паники.

Но у меня больше нет мужа, который поддержит, успокоит и прижмет к себе со словами:

— Мы обязательно что-нибудь придумаем. У тебя есть я, и это главное.

Никого у меня нет.

У бывшего мужа — новая любимая, а на внимание и заботу сыновей я не имею право претендовать: у каждого из них свои семьи и свои жены.

Только я осталась у себя, и мне предстоят тяжелые и мрачные годы без любимого мужа.

— Костя, — дверь открывается и к нам заглядывается моя обеспокоенная свекровь Алла Михайловна, — все? Девочек отправили восвояси?

Костя кивает.

— Иди к Вике, — воркует она, — я побуду с Милой. Ох, мама твоя удивила.

Костя опять кивает и уходит, а его мама садится рядом,

поправляет подол платья и с осуждением смотрит на меня.

Около минуты смотрит и молчит.

— Меня очень радует, что теперь мы с твоей мамой больше не семья, — наконец, говорит она. — Сколько раз она вгоняла меня в краску перед приличными людьми. Необразованная, невоспитанная, громкая...

Закрываю лицо руками и делаю медленный выдох.

— А Наташенька интеллигентная женщина, — Алла Михайловна взбивает волосы. — Я думаю мы с ней подружимся.

Это она про маму Вики.

— Мне-то это зачем знать? — устало спрашиваю я.

— Вы никогда не были нашими, — Алла Михайловна кривит тонкие бордовые губы, — я всегда это чувствовала...

— Теперь точно не ваши, — я улыбаюсь с вежливой сдержанностью.

— И это хорошо, что Костя улетает с Викой, — цыкает высокомерно, — подальше от тебя и от твоих проблемных родственников.

— А у тебя тут... будет уютно, — с одобрением говорит Костя, когда я выхожу к нему в первый зал моей будущей фитнес-студии.

Как всегда, улыбается. Как всегда, до неприличия хорош собой и весь на стиле. Светлые брюки, рубашка и серый свитер, что небрежно накинут на плечи.

А я вся в рабочем комбинезоне, заляпанном краской, и застиранной старой футболке. Я решила тоже принять участие в ремонте и взяла на себя коридорчик между залами. Отвлекаю себя. Плохо получается, но я стараюсь. Уже раз третий перекрашиваю стены.

Две недели прошло после свадьбы Кости и Вики. После разговора с бывшей свекровью я вызвала такси и уехала. Думала, дома разревусь, но ни слезинки не проронила. Приняла душ, посидела на кухне и легла спать.

Лучше бы ревела. Лучше бы кричала. Лучше бы каталась по полу, но мне было так больно после слов Аллы Михайловны, что я даже не пискнула.

“Вы никогда не были нашими”.

До сих пор горчит во рту, а в сердце холодно. Я любила бывшую свекровь, пусть между нами иногда были недопонимания, а она все эти годы носила в голове мысль “не наша”.

— Привет, — поправляю косынку на голове. — Приехал

проинспектировать.

Я улыбаюсь. Говорю легко и шутливо. Словно свадьба, свекровь, моя безумная мать с сестрой, насмешки гостей совсем не ранили меня.

Словно это мелочи, на которые я легко плюнула и живу дальше, ведь ничто меня не собьет с жизненного пути.

— Пару недель дал нам передохнуть, — Костя делает ко мне шаг.

— Нам? — удивляюсь я.

— Себе, — вздыхает Костя. — Ты со свадьбы уехала, а я, возможно, был груб с тобой.

— Нет, не был, — качаю головой и скрещиваю руки на груди. — Ты был довольно сдержан, хотя... — усмехаюсь, — злился, да.

После моего отъезда остальные гости тоже разъехались, потому что Костя жестко “закрыв вечеринку” без извинений и объяснений причин.

— Расходимся, — коротко кинул он гостям.

Это в его репертуаре. Когда он разъярен, то не способен на долгое словоблудие и показушные приличия.

Свадьба была испорчена, и тянуть ее не было никакого смысла.

Костя вновь окидывает пустой зал задумчивым взглядом и опять смотрит на меня:

— Насчет бабы Гали не волнуйся.

Я не сразу понимаю, о чем он говорит.

— Я решил вопрос с этой старой каргой, — продолжает Костя, а я приподнимаю бровь.

— В каком смысле?

— В таком, что в интересах бабы Гали вправить твоей маме и твоей сестре мозги, — Костя переходит на строгий холодный тон, — бабка, конечно, дурочку включила, но я популярно объяснил, что был очень недоволен ее “чистой водой”.

Теперь понятно, почему мама и сестра затихли. Я-то обрадовалась, что их впечатлили мои слова о нелюбви к Косте и они отказались бороться за него.

Костя вытаскивает из заднего кармана брюк платок. Я замираю, когда он настойчиво вытирает уголком мягкой и тонкой ткани краску с моей правой щеки.

Я опять теряюсь, а он поясняет, показывая мне пятна серой краски на платке:

— Ты испачкалась.

Я в замешательстве прижимаю ладонь к щеке и хмурюсь. Сердце стучит так громко и сильно, будто в него вогнали стакан адреналина.

— Я зашел попрощаться, — Костя прячет платок обратно в карман.

Мозги не соображают. В голове — желе или даже кисель.

— Мы с Викой приняли решение улететь пораньше, — Косят мягко улыбается.

Я слышу голос Кости будто через толщу воды в колодце.

Сердцебиение пульсирует аж в перепонках, а вдох застыл ожогами в легких.

— Попрощаемся со всеми лично, — продолжает тихо говорить Костя, — без проводов, — слабо усмехается, — хватило свадьбы.

— Ясно, — выдавливаю я из себя. — Когда?

— Рейс сегодня ночью.

Улетает в новые перспективы и в новую радость. Прощается с отстраненной улыбкой, приобнимает и уходит неторопливым шагом из моей жизни.

У стеклянной входной двери оглядывается:

— Мила, — пауза и новая улыбка, — я буду скучать.

— Я тоже, — мертвым голосом отзываюсь я.

Выходит на улицу и исчезает среди прохожих, а я медленно оседаю на пол и закрываю глаза:

— Прощай.

— Двадцать фитболов привезут на Артомоновскую, — устало отдаю поручения помощнице.

Шагаю по дорожке среди аккуратно стриженных кустов.

Только приехала к Илье на его день рождения, как на меня посыпались звонки. В одной из студий прорвало канализацию, в другой тренершаш по аэробике заболела, а клиентов не предупредили о том, что занятия отменили, в третью, наконец, привезут партию фитболов, которые я ждала два целых месяца.

Я только успела обнять сына на пороге его дома, как меня нагло оторвали от семьи рабочие проблемы.

— Люся, пожалуйста, встретить доставку, — сворачиваю с главной дорожки на узкую тропу из белого песка, в котором проваливаются острые каблуки. Поднимаюсь на носочки и семеню вперед в приятной тени под высокими ясенями. — Я сейчас должна быть с семьей.

— Хорошо.

Я сбрасываю звонок, массируя переносицу в попытке прогнать усталость, и слышу радостный звонкий смех. Наверное, кто-то из моих внуков.

Да, сейчас только детская беззаботность, наивная радость и теплые объятия любимых ручек победят мою сонливость и заполнят меня энергией.

Прячу телефон в сумку и шагаю к беседке, за которой вновь раздается восторженный визг и хохот.

Я улыбаюсь.

Но когда я выхожу из-за беседке к лужайке посреди молодых кипарисов, я резко останавливаюсь и цепенею, будто я за секунду обратилась в каменную статую.

Я вижу того, кто покинул меня четыре года назад.

На солнечной лужайке спиной ко мне стоит Костя, а к нему бежит маленькая девочка в милом белом сарафанчике с пышными рюшами по краю юбочки. Две короткие косички, пухлые ручки, круглое личико...

Дыхание резко обрывается. По рукам пробегает дрожь, и меня бросает в холод, а потом в жар.

Нет... Этого не может быть

— Иди к папе, зайка! — мой бывший муж подхватывает на руки румяную малышку.

Она обнимает его за шею и что-то шепчет на ухо, а затем звонко смеется, запрокинув голову.

Не верю, что это Константин. Он все же вернулся в Россию?

Если да, то почему никто не предупредил меня, что я увижу его сегодня?

— Папа, я люблю тебя, — малышка прижимает ладошки к лицу Константина. — Люблю как до луны и обратно, папа.

— Я все равно тебя люблю больше, — ласково шепчет в ответ.

Улыбается нежно. С любовью.

В груди что-то трескается. Больно. Я непроизвольно пячусь. Я в ловушке.

Тонкие иглы медленно пронизывают легкие, желудок и сердце. Дышать тяжело.

Мое отчаяние, которое затихло лишь в последний год, вновь возвращается.

Костя оглядывается. Он будто почувствовал меня.

— Мила, — перехватывает затихшую и настороженную девочку поудобнее, — здравствуй, — делает ко мне мягкий шаг по влажной траве, — рад тебя видеть.

— Вот вы где! — слышу голос той, кто четыре года назад украла у меня мужа. — За вами не угонишься... Фух... О, Мила, и ты тут?

Девочка на руках недоверчиво косится на меня, подкусывает нижнюю губу и вновь смущенно прячет лицо у шеи Кости.

Я знала, что Вика родила девочку, и тогда после этой новости я несколько ночей прорыдала в подушку, ведь это я хотела родить для мужа дочь.

Я. Хотела. Девочку.

Но родила ее Вика.

— Неожиданно, — наконец, говорю я. — Какой сюрприз...

Я знала, что у Кости родилась дочь, но видеть живую то, как он заботливо держит на руках свою малышку... невыно-

симо.

— Да, вот такие мы внезапные, — Вика смеется и отряхивает юбку из голубого сатин и шагает ко мне, чтобы приобнять, — привет, — отстраняется, — мягко сжимая мои плечи, и заглядывает в глаза, — мы только сегодня утром прилетели.

— Хотели сделать сюрприз, — Костя поглаживает дочку по спине, успокаивая ее настороженность. — Всех удивили, кроме тебя, — смеется.

— Ну что ты, я очень удивлена, — отвечаю я, и сама слышу, как холодно и отстраненно звучит мой голос.

Внутри все вспыхнуло огнем, вскрылось кровавыми ранами, а голос — равнодушный и пустой, будто я и правда совсем не удивлена.

Будто во мне нет никаких эмоций. Нет души. Нет сердца.

— Па, — шепчет девочка в ухо Кости и подозрительно косится на меня, — кто это тетя?

Очень неловкая ситуация. Как объяснить маленькому ребенку, кто я такая, и донести до ее детских несформированных мозгов, что я ее папе не чужой человек.

Что я часть той семьи, к которой и она принадлежит?

— Это тетя Мила, — Костя совершенно не теряется от вопроса и заглядывает насупленное личико дочки, — мама твоих старших братьев. Мы тебе о ней рассказывали.

Мои сыновья за эти четыре года летали к Косте вместе с нашими внуками в отпуска и иногда даже мотались просто на выходные частными рейсами, поэтому дочка Кости лично знакома с братьями.

Но не со мной, ведь я пусть и была в курсе серьезных новостей Кости, однако в гости к нему не навещалась. Меня, конечно, звали, но я находила тысячу причин мягко отказываться от приглашений.

Вика отступает к Косте и ласково улыбается дочери.

Это я должна быть на ее месте.

— Мама... Паши? — уточняет малышка и хмурится. — Олега? Ильи?

— Да, — спокойно отвечает Костя.

Я растерянно молчу, потому что совершенно не знаю, как мне быть сейчас. Я не была готова к встрече с Костей и его дочкой, которая переводит на меня задумчивый взгляд.

Клонит голову набок, кусает губы и шмыгает.

Очень милая.

Как с картинки.

Именно о такой маленькой принцессе с большими глазами тосковало мое женское сердце, когда сыновья устраивали драки и чудили в подростковых годах.

Я внутренне вздрагиваю, когда малышка решительно протягивает в мою сторону ладошку для рукопожатия, растопырив пухлые пальчики.

— Привет! — громко заявляет она. — Я — Сеня.

— Есения, — шепотом поясняет Вика

Еще несколько капель крови выпускает моя душа, и я аккуратно пожимаю маленькую теплую ладошку.

— Привет, Сеня, — тихо, но четко проговариваю я, — я тетя Мила.

Я улыбаюсь ей, как любому другому ребенку, но внутри — хаос из боли, смятения, тоски и ревности.

Я опять возвращаюсь к тому вопросу, который меня не тревожил в последний год.

Почему все так вышло?

Я думала, что смирилась и приняла несправедливость этого мира, в котором я осталась без мужа, любви и совместной с Костей старости, но я ошибалась.

Я опять обманулась.

— Ты и папа раньше были вместе, — отвечает она, когда я отпускаю ее ручку. — Да, я знаю, — киваю и вновь прячет

от меня лицо, обнимая Костю за шею. Взмолвлено шепчет, — папа, писать хочу.

А затем испуганно оглядывается на меня, понимая, что я могла ее услышать и краснеет.

Поджимает губы и стыдливо утыкается в шею Кости, который с трудом сдерживает смех.

— Мы пойдем, — похлопывает Сеня по спине. Подмигивает мне, — я тут вспомнил об очень важных делах. Надо срочно позвонить.

— Да, — бубнит Сеня в его шею. — Позвонить...

— О, — тяну я, — ну, тогда я вас, конечно, не держу.

Костя шагает прочь, и я слышу шепот Сени:

— Она тебе не поверила.

— Поверила, — серьезно отвечает Костя, и я слышу в его голосе смешинки, — и она ничего не услышала.

Вика провожает их взглядом, и я едва сдерживаюсь от того, чтобы с криками ее не прогнать.

— Безумие, правда? — говорит она. — Даже не верится, что мы в России, — а после зачем-то опять хватает меня за руку, — а ты не изменилась, — с наивным восторгом заглядывает в лицо, — все такая же...

— Какая?

— Загадочная, — Вика смеется и отпускает руку, которую я хочу брезгливо вытереть о брюки, но я этого не делаю, потому что я вновь возвращаюсь к роли равнодушной бывшей жены.

Только ее слова о моей загадочности можно принять как комплимент. Она не понимает меня и совершенно не знает, что у меня внутри: какие чувства и мысли. Я что четыре года назад не скандалила, что сейчас не проявляю никаких открытых эмоций.

— Мам, — раздается голос Ильи, виновника сегодняшнего торжества, — куда ты убежала?

— Я пойду, — Вика дарит мне очаровательную белозубую улыбку, — потом еще поболтаем.

Чмокает меня в щеку, как близкую подругу, и убегает легкой беззаботной красавицей, а я оборачиваюсь на сына:

— Мне пришлось ответить на несколько звонков, — голос не выдает моей горькой взволнованности, — и встретила твоего папу.

— Я тоже не знал, — Илья пожимает плечами, оглядывается на Вику и вздыхает, — и, кажется, они вернулись насовсем.

— Ты в порядке?

— Да, — я играю недоумение перед сыном, — почему ты спрашиваешь?

Я прекрасно понимаю, почему был задан такой вопрос, но я же не страдаю по бывшему мужу, и мне якобы все равно, что мы так внезапно встретились.

— Ну... — Илья в замешательстве хмурится, — никто не ждал папу.

— Да, немного неожиданно, — шурюсь под ласковым солнцем.

Илья приподнимает бровь и сканирует меня на эмоции, а я продолжаю:

— Сестра у тебя очаровательная.

В словах не лгу, но лгу в чувствах и улыбке. А есть ли у меня выбор после четырех лет вранья и игры в равнодушную бывшую жену, которая поздравляла бывшего мужа со свадьбой?

Поздновато плакать.

Поздновато открывать душу.

Да и не хочу я. Не хочу, чтобы все узнали о ноющей боли в моем сердце. Не хочу, чтобы знали о том, что встреча с дочерью Кости вскрыла мою грудную клетку тоской и отчаяньем.

— Вот как, — вздыхает Илья, и я улавливаю в его голосе

то разочарование, которое я слышала, когда после развода спокойно говорила ему о том, что я желаю Косте счастья и любви.

Я в очередной раз подтвердила Илье, что у меня нет никаких чувств к Косте, и он опять разочарован в том, что я могла разлюбить его отца.

Я не отступлю от своей роли.

Мы теперь та семья, которая смогла избежать семейных скандалов после развода и сохранила теплые родственные отношения.

Те самые бывшие супруги, которые благодарны друг другу и которые повели себя по-взрослому.

Разумно.

Ненавижу это слово, но теперь оно — мое амплуа для семьи и друзей.

— Да, Сенька, — наконец, Илья соглашается со мной, — милая, — и наносит удар, — ты хотела девочку.

Но я за четыре года натренировала в себе ледяную невозмутимость. У меня не дергается ни один мускул на лице:

— Да, было такое, — моя улыбка легкая и немного снисходительная, — но это было так давно, Илюш, — сжимаю его ладонь, — а еще однажды хотела покрасить волосы в черный, — смеюсь, — представляешь меня брюнеткой?

Снижаю ценность моих желаний в прошлой жизни с Костей и мастерски перевожу все в легкую шутку.

— А я испугался за тебя, — Илья хмурится, — но опять

зря, да? — хмыкает и вытягивает руку из моего мягкого захвата. — Черт, идиотом себя чувствую.

— Почему? — включаю дурочку.

— Тебе реально все равно, — заявляет он, с печалью смотрит на меня, — и было все равно. Тогда, сейчас.

— Илюш, четыре года прошло, — цыкаю я с небольшим осуждением, — даже для разбитого сердца это было бы многовато. И я же была в курсе того, что у кости родилась дочь. Для меня это не новость. И если чего я сейчас хочу, то... праздника, — улыбаюсь.

Затем я его обнимаю со словами:

— Ты уже такой большой мальчик. Даже не верится, что тебе уже стукнула тридцатка, — отстраняюсь, — но ты все такой же мамин бука.

— Извини, мам, — он вздыхает, купившись на мой спектакль, — я лишнего сказал. Я не хотел тебя ни в чем обвинять, — отводит взгляд, — и правда, как пацан малолетний, — усмехается, — а мне уже тридцатка.

— Все хорошо, милый, — касаюсь его щеки и заглядываю в глаза, — я в полном порядке. Давай повеселимся. У меня, наконец, выходной, и я хочу отдохнуть в кругу семьи.

К нам шагает по траве Оксана, жена Ильи, а за ней семенил их младший сын Ванюша, которому скоро будет четыре гордых года. Он отвлекается на бабочку, что пролетает над его головой, а Оксана улыбается мне:

— Вы в порядке?

— Мы зря запаниковали, — отвечает Илья.

— Каюсь, это я Илюху накрутила, — неловко оправдывается Оксана. — Я его к вам отправила. Просто я сама немного растерялась, когда увидела Константина на пороге. Обычно встречи с бывшими бывают непредсказуемы, — она смеется, прильнув к Илье.

— Это не про нашу маму, — Илья чмокает ее в висок, — я же говорил, что у наших родителей полный штиль.

— Это все виноват развод моей подруги, — Оксана оправдывается. — Там такие страсти, Мила. Вот она меня и зарядила, а я Илюху взбодрила.

— Я развод прожила без потрясений, — пожимаю плечами, — и все эти скандалы и крики не понимаю.

— Ну... — Оксана задумчиво тянет, — не зря говорят, что если женщина не скандалит, то она разлюбила, — хмурится, — а, моя подруга мужа сильно любила. Развод ее подкосил, — кусает губы, а после резко приободряется с широкой улыбкой, — ладно, тогда за праздник можно не переживать?

— Значит возвращаетесь? — спрашивает наш младший сын Паша и делает глоток лимонада из высокого запотевшего стакана.

Мы расположились за столом в открытой просторной беседке. В стороне на лужайке две няни и аниматор в костюме пчелы развлекают младших членов нашей большой семьи.

Под солнцем резвятся два внука со стороны старшего сына Ильи: шестилетний Аркаша и Ваня, которому скоро четыре года.

Со стороны среднего сына Олега: дочка непоседа Анютка. Ей три с половиной года. Сегодня доказывала, что она уже очень взрослая.

Со стороны младшего Паши: двухлетний Юра.

И, конечно же, Есения. Она веселится. Смеется, дурачится с моими внуками, и ей хорошо, легко и свободно под солнцем.

— Уже вернулись, — отвечает Костя, — у нашел хорошего управляющего. Выдыхайте, парни, я не полезу к вам в ваши дела, — смеется.

— Да мы не об этом, пап, — возмущенно и пристыженно говорит средний сын Олег.

— А я об этом, — вздыхает Костя и серьезно смотрит на сыновей, — чтобы не было никакого напряжения.

— Да нет никакого напряжения, — Илья хмурится.

— Есть, — Костя улыбается. — И у меня бы оно тоже было, но я вам клятвенно обещаю, — прикладывает руку к груди, — все то, что вам оставил, только ваше.

— А я не против, чтобы ты и в компанию вернулся, — Паша пожимает плечами.

— Проблемы, что ли, какие-то? — Костя заметно напрягается и готов за сыновей броситься прямо сейчас в атаку.

Я переглядываюсь с невесткой Мариной, женой Олега. Она скучает за столом.

— Вернулся папа, — смеюсь шепотом, — вернулись и разговоры о бизнесе за столом.

— Нет никаких проблем, — Илья качает головой, и тут уже я чую фальшь в его голосе. — Все в порядке, пап.

Замечаю на лице Паши легкую и недовольную ухмылку, которую он быстро прячет за стаканом воды.

Так. У сыновей проблемы в бизнесе? Почему они молчали? Почему сейчас проговорились? Проговорились, потому что отец с концами вернулся, и они вновь чувствуют в нем защиту на арене большого бизнеса?

— Мама права, поговорим потом, — Костя хмурится. — Такие беседы не за обедом ведут.

В груди потрескивает болью от его слов “мама права”. Он так говорил и тогда, когда мы были женаты.

Но теперь я осталась только мамой, а раньше была, мамой, женой, любимой женщиной...

Под столом больно щипаю себя за живот, чтобы вернуться в реальность. Все в прошлом.

— Я вот сама не знала, что мы возвращаемся в Россию, — подает голос Вика и смеется, прильнув к Косте, а после заглядывает в его красивый аристократичный профиль, — ваш папа и для меня устроил сюрприз.

— Я всегда был внезапным, — Костя хмыкает и одаривает молодую жену мягкой улыбкой, — я больше не видел смысла оставаться в Венгрии. Производство наладил, управляющего нашел и можно домой.

— А я, как настоящая женщина, — Вика с очаровательным тихим смехом смотрит на нас, — без вопросов последовала за мужем.

— А ты хотела остаться в Венгрии? — спрашиваю я.

— Нет, не хотела, — улыбка так и не сходит с ее лица, — просто была удивлена, что мы так скоро уезжаем... — вновь смотрит на Костю, — и даже напугана. А вдруг какие-то проблемы.

— С Венгерской мафией? — Костя смеется. — Нет, они как раз очень расстроились, что их “русский брат” улетает.

Отвлекаюсь. К столу семенит Есения. Сдувает локон. В ее руках букетик из ярких желтых одуванчиков.

Подарит маме? Папе? Но я ошибаюсь.

Она тихо прокрадывается к каждому из нас и молча кладет по одуванчику у тарелки. Неожиданно наши взгляды пересекаются. Она смущенно улыбается и убегает обратно к

няням и аниматору. Моя душа вздрагивает, и я могу закричать, поэтому медленно и бесшумно выдыхаю.

— Она такая сладкая, — охает жена Ильи Оксана и подхватывает со скатерти одуванчик.

— Не просто так говорят, что дочки - это благословение, — Вика расцветает женским самодовольством.

Я выдержу. Я должна. Выбора другого нет, но сил у меня так мало...

— А когда за сыночком пойдете? — с любопытством спрашивает жена Паши Настя. — Из Сени получится хорошая старшая сестра.

Вдох и выдох.

— Я тоже хочу мальчика, — ответила Вика на вопрос моей невестки.

Затем нас отвлекли радостные визги детей, и разговор за столом свернул к обсуждению всякой ерунды.

Я выждала около десяти минут, а после с вежливой улыбкой якобы отлучилась в уборную.

Мне не помогли ни психолог, ни поездки в отпуск к солённому морю, ни работа, ни культурный досуг.

Я та самая женщина, о которой говорят, что она живёт полной интересной жизнью, но где бы я ни была, меня все это время везде сопровождала тень Константина.

Со стороны все видят активную женщину, которая успевает и в театр, и в налоговую, и за внуками в детский сад, и на планерки с подчинёнными, но это лишь маска.

Это обман.

На шезлонге под солнцем меня может накрыть внезапная тоска по бывшему мужу, который всегда смазывал мне спинку солнцезащитным кремом, а в театре сердце защежит, когда я в актере на сцене увижу профиль Константина.

И он вернулся.

Именно тогда, когда мне стало полегче.

Когда наконец на встречах с психологом я стала меньше

плакать.

Вернулся с очаровательной дочкой, и я вновь — открытая рана.

Последний вдох и я смотрю в зеркало.

Я выгляжу хорошо.

Во мне ничто не намекает на тот ад, который я проживаю в душе, а когда я улыбаюсь своему отражению, то сама пугаюсь тому, какая я доброжелательная и снисходительная.

Лицедейка.

Хочется в отражение плюнуть, а после с криками разбить зеркало и осесть на пол с криками и слезами, но я взбиваю объем кончиками пальцев прическу, подкрашиваю губы нюдовой помадой с розовым подтоном и поправляю ворот блузки.

Закрываю глаза на несколько секунд и выхожу из уборной.

Иду по коридору в большую гостиную в правом крыле дома, а затем выхожу на открытую веранду.

Несколько секунд смотрю на застолье. Все улыбаются, что-то живо обсуждают, а вокруг беседки бегают детки, чьи лица украшены ярким аквагрим.

Я должна вернуться.

Спускаюсь по низким ступенькам и неторопливо семеню по дорожке к беседке.

Когда в меня врезается Есения и непроизвольно при столкновении меня обнимает пухлыми ручками, то я не сразу понимаю, что происходит.

Я резко останавливаюсь, опускаю взгляд. На меня смотрят огромные испуганные глаза в обрамлении густых ресниц.

Я машинально схватила Сеню за ее хрупкие плечи.

— В-жжжжж-жжж, — нашу сторону движется аниматор в костюме пчелы, — злая пчела сейчас кого-то ужалит! Вжж-жж-жжжжж-жжжж!

Я не вижу, но чувствую всем телом, как оборачивается Костя. Я чувствую его напряженный и внимательный взгляд.

— Вжжжж-жжжжж, — жужжит жуткая пчела. — Сейчас ужалю...

Протягивает руку, и Сеня, наконец, взвизгивает, хохочет и убегает к другим детям.

— Тогда ужалю маму, — смеется пчела, хлопает по плечу и неуклюже “летит” к визжащей детворе, — я вас все равно поймаю!

— Но я не мама, — выпускаю обрывочными слогами из себя воздух.

Прикусываю кончик языка и шагаю к столу с легкой беззаботной улыбкой. Если меня сейчас схватить сердечный приступ, то я совсем не удивлюсь, но болит душа, а не сердце.

Сердце, как главная мышца тела, у меня сильная и здоровая.

— Меня ужалили, — с наигранным возмущением заявляю я, когда возвращаюсь за стол. — Пчелы пошли какие-то очень злые.

— Пожертвовала собой, чтобы спасти Сеню? — бархатно

смеется Костя.

— Да, — подмигиваю ему, — приняла атаку на себя.

Какая тошнотворная идиллия между нами сложилась.

Вот о такой дружбе между бывшими любят говорить мужчины: никаких истерик, никакой боли, никаких претензий.

И теперь я не верю ни одной истории, в которой женщина после развода не сломалась, а наоборот стала жить лучше и ярче, ведь я знаю цену этой жизни.

— Я ничего интересного не пропустила? — спрашиваю я и в лживом любопытстве смотрю на присутствующий. — Без меня не секретничали?

— Ты знала, что наш дом опять выставили на продажу? — спрашивает Илья.

— За бешеные бабки, — цыкает Паша.

— Купили за копейки, а продают за дорого, — Олег разочарованно вздыхает.

— И я решил выкупить его, — бьет наотмашь Костя словами и закидывает в рот оливку, — риэлтор уже начал переговоры.

Покупают дом.

Наш дом.

Но разве имею я право возмущаться, если сама скинула его по бросовой цене, лишь бы избавиться, а потом сыновьям, когда они неприятно удивились моей сделке, холодно сказала:

— Это всего лишь стены, мальчишки. Бетон и кирпичи. Я всегда хотела жить в квартире и, наконец, ваш отец не будет бурчать. Это была его идея - жить в частном доме.

Я бессовестно им солгала тогда. Бетон и кирпичи были моей болью, от которой я хотела поскорее избавиться. Думала, что так наступит быстрое выздоровление.

И я любила этот дом. Меня никогда не тянуло в город, и я ни разу не спорила с Костей, когда он говорил, что городские шумные улицы утомляют, но зато мастерски обыграла его слова после развода.

Якобы я лишь терпела этот дом.

Женщины, конечно, умеют обращать сказанные мужчинами слова против них же, поэтому сыновья не стали спорить.

Я убедила их, что я к нашему дому отношусь нейтрально и что я, наконец, претворила в жизнь желание жить в городской квартире.

Вот и все.

Глупо сейчас обижаться, злиться, возмущаться решением Кости вернуть тот дом, который я бросила. О котором я якобы и не тосковала. Это же бетон и кирпичи.

— Я помню, да, — говорю я Косте и делаю глоток апельсинового сока, — ты не любишь шум города, а рядом с тем домом такой тихий, но вонючий пруд с лебедями...

— Мам, это был наш дом, — сердито отвечает Илья. — И нет, пруд не вонял.

Наши сыновья любили этот пруд. Любили лебедей. Любили наши уютные пикники.

Я помню это чувство тихого счастья и теплые лучи солнца на лице. И улыбку Кости...

— А для меня вонял, — пожимаю плечами. — Я только ради вас туда таскалась.

Я огрызаюсь, потому что теряю контроль.

Напряженное молчание, и сыновья смотрят на меня с удивленным разочарованием, и я бессовестно прячусь за Костей:

— Ну, ты же не просто так раз в три месяца звонил коммунальщикам, чтобы они чистили этот пруд, — невозмутимо отставляю стакан в сторону.

— Новые хозяева прудом не занимались, — Костя тяжело вздыхает. — Он сгнил, и лебедей не стало, — переводит на меня взгляд. — Мне тоже нравился этот пруд. Я его восстановлю.

— И думаю, лебеди тоже вернуться, — подает тихий вос-

торженный голос Вика.

— Судя по фотографиям там придется многое восстанавливать, — Костя не отводит взгляда, и я вижу в его глазах разочарование. — Дом запустили. Участок зарос. Продала ты дом, конечно, своеобразным людям, Мила.

— Ну, это уже не моя забота, — хмыкаю.

— Знаешь, мам, — младший сын Паша хмурится, — ты бы могла хотя бы нам сказать, что продаешь дом. Лучше бы уж кто-то из нас его выкупил у тебя.

Да, я могла этот дом отдать кому-нибудь из сыновей. Это было бы правильно, ведь у моих мальчиков была привязанность к “бетону и кирпичам” и к земле, но... я тогда думала только о себе.

— Да, мне тоже было так жалко ваш дом, — вздыхает жена Олега Марина.

— Да мы все тогда знатно прибалдели, — Илья хмурится на отца, — а я, кстати, пытался тогда дом выкупить обратно, а меня отбрили. Жестко.

— Ты мне этого не говорил, — я тоже хмурюсь.

— А ты нам о продаже ничего не сказала, — напряженно парирует Олег.

Ну да.

Как глупо я сейчас прозвучала. Чего я ждала от сыновей, когда сама многое от них скрывала и скрываю?

Вот он итог моих игр в сильную и независимую.

Если в матери нет искренности, то и в детях ее не сто-

ит искать. Это закон обмена энергиями, и сегодня я за общим столом “призналась” им, что наши прогулки и пикники у пруда меня тяготили.

Взрастила в них еще один росток разочарования, но оправдываться я не стану.

Поздно для оправданий и для честности.

— С домом-то все понятно, — Вика пытается разрядить обстановку улыбками и примиряющим голосом. — А у вас какие новости? — переводит любопытный взгляд на меня. — У тебя? Столько болтаем, а ты так ничего не рассказала о себе. Что у тебя нового? — ее блеск в глазах и прищур мне не нравится.

— Да нечего рассказывать, — я сдержанно вздыхаю.

— Может быть, появился какой-нибудь интересный мужчина? — хихикает Вика. — Неужели такая красавица и одна? Не поверю.

Над столом пролетает оса. Жужжит, планирует на фруктовую нарезку, но жена Ильи Оксана отгоняет ее взмахом тканевой салфетки.

В стороне визжат дети, прохладный ветерок доносит запах сладкой ваты и свежей влажной травы.

Время замедляется.

Все ждут моего ответа.

Есть ли у меня кто-то?

Какой глупый и оскорбительный вопрос.

Я пыталась найти новые отношения и новую любовь, которая закружит голову.

Сайты, случайные знакомства на публичных мероприятиях, пересечения с мужчинами по рабочим вопросам...

Я, правда, пыталась, но в итоге мне было скучно с каждым из этих мужчин даже в разговорах.

Они были во мне заинтересованы, а я на свиданиях сначала и с холодной головой анализировала каждого из кандидата.

Все они старались меня впечатлить и очаровать с разными целями.

Другие хотели присосаться к моему благополучию.

Третьи искали новую мамочку после разводов, и кто-то даже в открытую говорил: “Я ищу женщину, чтобы обо мне

она заботилась”.

Четвертые ждали, что я сразу раздвину ноги, ведь вариантов у меня не так много. Что же я такая привереда? Плати за такси и вези к себе с восторгом от того, что кто-то захотел тебе присунуть свой золотой огурец в твою поношенную и потертую пилотку.

В молодости нормальных мужчин не так просто найти, а после сорока пяти — это невозможно.

Хорошие и стабильные мужики женаты, а джентельмены, кто оказался в таком возрасте одинокими, те еще придурки, и на женщин ровесниц смотрят снисходительно.

Старые мы для этих мачо, и на свиданки с теткой около пятидесяти они решаются лишь тогда, когда других вариантов нет. И то, потом сидят перед тобой такие чванливые, будто облагодетельствовали несчастную отчаявшуюся старушку.

Противно.

Каждый раз мне было скучно и противно, и я поняла, что не хочу тратить свою жизнь на то, чтобы перебирать мужиков в поисках того самого принца, который заставит забыть Константина.

Надо быть реалисткой.

Я могу почитать глупые романчики, как на голову возрастной разведенки упал удивительный во всех смыслах миллиардер-вдовец, но ждать этого в жизни — то же самое, что верить в драконов.

В пятьдесят лет я скорее увижу дракона в небе, чем столкнусь с богатым, красивым, щедрым, честным и одиноким мужиком, который почему-то обратит внимание не на молодую фертильную девушку, а на меня.

Статусный одинокий мужчина проигнорирует кучу молодых и шикарных женщин с подтянутыми телами, сочными попками, свежими лицами и влюбится в пятидесятилетку? Он отринет возможность завести полноценную семью и желание родить новых детей? Серьезно?

Такая сказка похлеще любой Золушки, а я больше не верю в сказки, потому что мой принц женился на другой и родил дочку.

Я пыталась, но я увидела в глазах мужчин самодовольство, меркантильный интерес, снисхождение и даже насмешку.

Какой бы ухоженной женщина ни была в пятьдесят, она все равно будет для мужчины на рынке невест даже не вторым сортом, а третьим, поэтому общение с мужским полом для меня было полно унижения и отвращения к их эгоизму, высокомерию и меркантильности.

И что мне ответить на вопрос Вики?

— Я думаю, что если бы был кто-то серьезный у мамы, — говорит младший сын Паша, — то этот мужчина сидел бы за этим столом, — переводит на меня взгляд, — верно, мам? Уж это ты бы не стало скрывать?

— Обычно женщины скрывают всяких странных лично-

стей, — вздыхает жена Олега Марина и с хрустом кусает дольку яблока. — Моя тетка после смерти мужа связалась с игроманом, о котором мы узнали лишь тогда, когда она без квартиры осталась.

— Мила никогда не была глупой женщиной, чтобы связываться с сомнительными личностями, — уверенно заявляет Константин, решив встать на мою защиту.

Только мне тошно от его слов, потому что рядом со мной не сидит крутой миллиардер с белозубой хищной улыбкой, властным взглядом и сильными мускулистыми руками.

Я — одна.

— Нам не нужен абы какой мужичок, — хмыкает жена Паши Настя. — Может, — наивно смотрит на Константина, — у вас среди знакомых есть свободные перспективные мужчины для Милы?

Илья от неожиданности кашляет и делает несколько глотков воды.

— А что? — Настя не понимает. — Сейчас такой мир, что надо знакомиться только по рекомендациям...

— Бывшего мужа? — заканчиваю я и беззаботно смеюсь.

Спасибо, Настюш. Пусть ты и сама не поняла, но сыграла мне на руку. Я все сведу в шутку, игривую насмешку над отношениями с мужчинами.

— А что? — разворачиваюсь к удивленному Косте, который с небольшой растерянностью вскидывает бровь. — Ты крутишься в высшей лиге, и уж точно разбираешься в людях,

кто козел, а за кого можно бывшую жену выдать по личным рекомендациям.

Костя на мои слова, чтобы он подыскал мне жениха среди “своих” лишь посмеялся с мужским снисхождением и заявил:

— Выгодно выдать замуж бывшую жену? Это уже новый уровень династических браков, — в его голосе я не услышала возмущения или ревности. — Только одна проблемка, все мужчины в моем окружении женаты. Пока никого не знаю, кто срочно ищет жену, но... любовь, Мила, должна тебя найти сама.

Я все же надеялась на его ревность.

Или хотя бы на то, что он оскорбится, но он не видит во мне женщину.

Я — родственница. И только.

После разговоры за столом вновь свернули на легкие темы, в которых мало смысла, но много смеха, шуток и пустоты.

Плотный обед плавно перетек в чаепитие, а затем последовали игры с детьми на свежем воздухе.

Я отстранилась от веселья, будто часть души отключила, и я глубоко не вникала в громкие забавы, и я даже не вспомню сейчас, за кем я бегала в догонялках, кого щекотала и с кем удираала от жуткой пчелы и нянек.

Игры с детками смазались в мутные пятна, из которых я

вынырываю в реальность у малой гостиной в правом крыле дома.

Провожу ладонями по щекам.

Мы играли в прятки, и невестка Марина нашла меня первой за портьерой под главной парадной лестницей за мраморной статуей танцовщицы.

— Нашла! — засмеялась она и вытянула меня из укрытия.
— Мила, вы даже не старались хорошо спрятаться!

А я правда не старалась. Я хотела, чтобы меня нашли первой, ведь тогда я потом могу передохнуть в тихом одиночестве и собраться с мыслями.

Прохожу в малую гостиную. Прикрываю за собой двери и сажусь на софу.

Вряд ли сюда кто-то заглянет. Это то место в доме сына, которое “не пользуется популярностью”, будто оно заколдованное.

Эту маленькую гостиную в нежных бежевых цветах почему-то всегда игнорируют, и я могу посидеть в тишине, пока Марина ищет остальных.

Едва слышно скрипят петли дверей. Секундная пауза, и следует вопрос:

— И тебя уже нашли?

Это Костя.

Проклятье. Это уже несмешно.

— Да, — отвечаю я. — Нашли.

Он улыбается и неторопливым бесшумным шагом, как

хищник, двигается в мою сторону:

— Тогда вместе отдохнем в тишине.

Я молчу, потому что у меня слов нет. Я хотела тишины, покоя, уединения, а получила Костю.

Он садится напротив меня в глубокое кресло и расслабленно откидывается назад, а затем деловито и по-хозяйски закидывает ноги на низкий столик:

— Это был мой хитрый план, чтобы меня нашли первым.

— И мой, — вздыхаю я.

— Мы одинаково мыслим, — смеется.

Замолкает, и я не знаю, что ему ответить. Неловкость нарастает, и у меня почти не осталось сил играть легкую и беспечную женщину, которая много смеется, шутит и острит.

— Что за проблемы у мальчиков? — спрашивает Костя, выждав несколько секунд.

Я теряюсь от его вопроса, в котором слышу серьезную и мрачную обеспокоенность, но мне нечего ему ответить, ведь со мной никто не делился проблемами и не рассказывал о сложностях.

— Я не знаю, — сдавленно отвечаю я и почему-то чувствую перед Костей какую-то нелогичную вину.

Он хмурится:

— Есть предположения, чем они меня удивят.

А я без понятия, и лишь пожимаю плечами. Костя хмурится сильнее, будто пытается просканировать мои мысли.

Опять молчание. Я хочу сбежать, потому что чую нелад-

ное. Костя не улыбается, не смеется и его обеспокоенность во взгляде темнеет до подозрительного опасения

— У тебя с мальчиками какое-то напряжение, да? — постукивает пальцами по подлокотнику. — Что-то случилось?

— Почему ты спрашиваешь? — глухо отзываюсь я.

— Потому что я это почувствовал, — серьезно говорит он, — парни как-то отделились от тебя. И да... Они говорят о проблемах, а ты, оказывается, не в курсе.

Мне нечего возразить.

Мне самой неприятно, что о проблемах в жизни сыновей я узнала лишь тогда, когда Костя вернулся.

— Поэтому я спрашиваю. У вас что-то случилось? — Костя не отводит пристального взгляда. — Они раньше всегда тебе первой говорили о своих косяках, и только потом я узнавал обо всем. Вы явно отделились друг от друга.

— Поговори об этом с мальчиками, — устало заявляю я, — а мне нечего сказать.

— Поговорю, Мила, — Костя кивает. — Я серьезно обеспокоен.

От Кости меня спас звонок телефона. Помощница объявилась. О, как же я была благодарна за то, что я могла сбегать под благовидным предлогом от бывшего мужа.

Я вежливо извинилась перед Костей и слабо улыбнулась:
— Мне надо ответить.

Он кивнул:
— Конечно.

Я вышла из гостиной и приняла звонок. Помощница то-ропливо отчитывалась за платья, которые забрала из химчистки, и за сантехников, которые, сволочи такие, испортили стены.

Я не заметила, как поднялась на второй этаж и прошла к библиотеке.

Я застываю, когда слышу тихие детские всхлипы:
— Мамочка, прости... прости... я не хотела...

Я испуганно прижимаю телефон к груди, вслушиваясь в интонации испуга, дикой вины и детского отчаяния.

Аж дрожь по плечам и спине бежит, а на руках приподнимаются волосы от озноба.

Я узнаю Сеню.

— С тобой всегда так, — шипит с холодным раздражением голос Вики.

— Я просто играла, — шепчет Сеня в безуспешных по-

пытках остановить отчаянные всхлипы. — Мамочка... Не ругайся...

— Ты такая неуклюжая, — отвечает Вика, и ее раздражение нарастает. — Вечно все ломаешь, разбиваешь. Эту чужая ваза, Сеня!

Ваза?

Я хмрюсь.

Она отчитывает Сеню за разбитую вазу? Господи, да тут каждый день что-то бьется и ломается детками, и наша семья никогда не устраивала трагедию из-за этого.

Это жизнь.

— Что я скажу дяде Илье, а? — Вика продолжает цедить каждое слово с неприязнью. — Почему ты всегда вынуждаешь всегда оправдываться за тебя? За твое поведение? Почему ты меня позоришь?

Я должна войти и остановить Вику, но я не могу пошевелиться.

— Мамочка, но... я хорошо себя вела... Как ты и просила... Хорошо, — громкий всхлип, от которого у меня сжимается сердце. — Я просто играла... Я хотела спрятаться... Я...

— Прекрати ныть! — шепотом рявкает Вика. — Вытри сопли! Ну ка... А теперь улыбайся... Кому сказала... Успокойся. Да сколько можно, Сеня?

— Милена, алло?! Вы меня слышите?! — обеспокоенно и громко спрашивает помощница в динамике.

Но ее услышала не только я, но и Вика, потому что в библиотеке воцаряется напряженная тишина.

Я сбрасываю звонок.

— Мамочка? — шепчет Сеня.

Она уже не плачет, но голосок дрожит еще большим испугом чем прежде.

Я отступаю от дверей библиотеки, в тот самый момент, когда в коридоре появляется Костя.

— Ты только не думай, что я тебя преследую, — смеется он, когда видит меня.

Я загнанно оглядываюсь, а из библиотеки с Сеней на руках выходит улыбчивая Вика.

— А вот и папа, — на лице ни морщинки гнева, а глаза сияют нежностью и добротой. Заглядывает в заплаканное лицо дочки, — не плачь, милая. Это всего лишь ваза.

Что, мать вашу, тут происходит?!

Я схожу с ума?

Я только что слышала чистую женскую злобу и ненависть.

Или мне показалось? Послышалось?

Ведь материнская любовь не знает такой злости к беззащитному ребенку.

— Папа... — Сеня тянет ручки к Косте, который даже не подозревает о том, что было в библиотеке, — папа... — опять всхлипывает, — не хотела...

— Тише-тише, милая, — воркует Вика и передает Сеню в руки обеспокоенному Косте.

Когда он отвлекается на дочь, Вика кидает на меня беглый оценивающий взгляд. Очень быстрый и острый, как скальпель.

— Ты чего? — ласково проговаривает Костя Сеня, смахивая с ее щечек слезы.

— Наверное, устала, — вздыхает Вика и приобнимает его. Уводит к лестнице, — перенапряжение. Мы после самолета даже не отдохнули толком.

— Устала? — спрашивает Костя.

Сеня в слезах кивает и утыкается лицом в его плечо.

— Может, нам пора? — Вика играет очередную улыбку, в которой проскальзывает неловкость, вина и усталость. — Я тоже чуток утомилась.

Костя уже у лестницы, и на секунду Сеня поднимает взгляд. Я дышать не могу. Мне больно. Мне страшно. Мне тошно.

Я должна Костю окликнуть, остановить его и все рассказать, но... поверит ли? И разве это мое дело?

Сеня несмело поднимает ладошку, прощаясь со мной, и я сглатываю ком боли и вины перед маленькой девочкой.

— Костя... — сдавленно и сипло шепчу я.

— Да, Мила? — недоуменно оглядывается Костя.

Что говорят отцам, когда их жены сливают агрессию на детей? И как об этом говорят? К тому же я сейчас не уверена в том, что слышала, ведь Вика опять улыбается, а в ее глазах светится теплая нежность.

— Костя, меня кое-что беспокоит...

— Тетя Мила злится, что я разбила вазу, — бубнит в шею Кости Сеня и затем накрывает ладошками заплаканное лицо, — я не хотела...

Я аж задыхаюсь под волной боли за испуганную детскую душу:

— Нет, Сеня, я не об этом...

— Все в порядке, сладкая, — воркует Вика, а затем с улыбкой заглядывает в лицо Кости, — день какой-то бесконечный.

Мастерски отвлекает его от меня, и моя уверенность в том, что Костя поймет мое беспокойство и поверит, тает с каждой секундой.

Ситуация очень непростая. Я бы сказала скользкая и щекотливая. Слово бывшей нелюбимой жены против нынешней обожаемой жены.

Да и что я скажу? Что?

Я окликнула Костю и не подумала, как заявить о том, что

маленькую Сеню обижает мама.

Так и сказать? Но у меня никаких доказательств, а мои возмущенные речи ничего не стоят.

Я — никто для Кости. И для его семьи. Но... я не буду молчать. Пусть буду дурой. Пусть мне скажут, чтобы я не лезла в чужую семью. Пусть скажут, что я оболгала милую добрую Вику в желании ее поставить из-за ревности. Пусть!

Даже если Костя не поверит, усомниться в моей правде, она будет озвучена, потому что сейчас молчание будет преступлением.

Когда я набираю в легкие воздух, в глазах Вики пробегают темная тень. Она понимает, что я решилась быть дурой.

Не в первый раз, боже мой.

— Вот вы где, — слышу среднего сына Олега. — Маму не видели? Мы ее потеряли.

— Она тут с нами! — подает голосок Вика.

— Бабуля! Бабуля! — кричит внучка Аня, доча Олега. — Я тебя потеряла! Бабуля!

Вылетает со стороны лестницы в коридор и бежит ко мне с каким-то камнем в руках:

— Бабуля, смотри! — дикий восторг в глазах. — Камень на черепашку похож!

Чуть не врезается в меня, протягивает камень, и Костя с Викой теряют ко мне интерес. Только Сеня на руках папы оживает. Ей хочется посмотреть на камень-черепашку, и я обыгрываю эту ситуацию в своих интересах.

Никогда недооценивайте бывших жен. Никогда. Если я могла столько лет играть нелюбовь и даже холодное равнодушие, то и сейчас найду, как быть.

Я не позволю сейчас Вике увести Костю.

Если она сейчас это сделает, то он потом мне точно не поверит.

— Бабуля! Камень!

— В нашей коллекции новый камень, — вздыхает Олег в стороне.

— Ты тоже собирал камни в ее возрасте, — заявляет Костя. — Целый склад камней под кроватью был... Илью не видел. Мы устали...

— Какой красивый камень, — наклоняюсь к Ане и улыбаюсь, — и, правда, похож черепашку... Не хочешь показать Сене?

Сеня на руках Кости от восторга аж рот открывает. Она уже забыла о разбитой вазе, о маминых словах, о слезах и страхе. Она хочет к Ане, которая нашла интересный камень.

— Сеня! — взвизгивает Аня и кидается в сторону Кости, который оборачивается. — Деда! Деда! Камень! Сеня! Я хочу показать Сене черепашку! Деда, смотри! Сеня, смотри!

— Папа, — шепчет Есения и хочет сползти с рук Кости, — хочу посмотреть... Пусти...

— Да вас подставили, — охает Олег и смеется.

Он не понимает моей игры. Да и кто поймет, кроме Вики, которая теряется под визгами детей, смехом Олега и моим

спокойным взглядом.

Я не паникую.

Я могу и умею держать эмоции в себе.

Костя спускает с рук оживленную Сеню, которая тут выхватывает из рук восторженной Ани камень и широко распахивает глаза:

— Анютка, вот это да... — секунда удивленного молчания, глубокий вдох и решительное желание, — я тоже хочу камень!

— Пошли искать! — Аня неуклюже тащит Сеню за собой.
— Я знаю где искать красивые камни!

— Милая, мы же хотели уехать, — ласково охает вслед Вика, а после смотрит на Костю, — я устала... — она ждет, что Костя остановит дочь. — Я валюсь с ног.

Это ты зря.

— Олежа, отведи Вику в гостевую спальню, — подхожу к Косте с вежливой и мирной улыбкой. — Пусть вздремнет. Они же сейчас точно будут около часа искать камни. На правах бывшей жены, которая осталась подругой для бывшего мужа, я аккуратно беру Костю под локоть. Заглядываю в его лицо:

— А я тебя украду на минутку.

— Пойдем, Вика. Гостевые спальни у Илюхи в другом крыле, — Олег зевает и потягивается, — я бы сам тоже вздремнул, если честно. Все эти дни рождения утомительны.

Но Вика забыла о своей усталости.

— О, у вас какие-то секреты от меня? — она мило и тихо смеется. — Мне стоит начинать ревновать?

На лице Кости полное недоумение.

Пошутила Вика о ревности неудачно.

Даже Олег приподнимает бровь и медленно моргает в растерянности.

Действительно, к кому тут ревновать? Ко мне? Какая глупость!

— А мы идем секретничать? — Костя переводит взгляд на меня.

Мне приходится приподнять лицо, чтобы посмотреть на бывшего мужа, в глазах которого легкое замешательство.

Я держу его под локоть, чувствую тепло его тела, силу и напряжение в руках. На секунду весь мир для меня исчезает кроме Кости.

— Может, маме действительно надо о чем-то поговорить с папой? — предполагает Олег, и я слышу в его голосе сомнение.

— От жены не должно быть секретов.

Поверит ли он мне?

— Нет, мне необязательно наедине с тобой секретничать, — я сдержанно улыбаюсь Косте, — главное, не в присутствии вашей дочери.

Я отпускаю его руку и отступаю.

В глазах Кости вспыхивает беспокойство, когда я упомянула Сеню.

— Мила, — Вика складывает бровки домиком и кусает губы, — ты про то, что я немного вспылила на Сеню?

Перехватывает инициативу.

— Милый, — она прижимает к Косте и заглядывает в его лицо, — я всего-то провела воспитательную беседу с Сеней, чтобы та была аккуратной в чужом доме. Видимо, Мила про это хотела поговорить, — смотрит на меня наивно и открыто, — я понимаю, что можно купить новую вазу, но... в ребенке важно воспитывать осознание ценности каждой вещи. Разве это плохо, Мила?

Если я начну сейчас препираться, нервничать, злиться, то буду выглядеть глупо и неадекватно.

— Это была не воспитательная беседа, Костя, — я игнорирую Вику.

Мне с ней после ее агрессии на трехлетку не о чем говорить.

Она играет наивный испуг милой и растерянной мамы очень хорошо. Я сама почти ей верю, но сейчас мне не заткнуть сердце, которое вопит о том, что молчать нельзя.

— Ты бы не могла объясниться, Мила? — голос Кости становится резко ледяным и острым.

— Я не думаю, что ты бы одобрил такую беседу, как отец, — пожимаю плечами. — Уж я-то знаю о чем говорю, — теперь я смотрю на Вику с вызовом, — мы воспитали троих сыновей, а они чего только не разбивали.

— Ты сейчас наговариваешь на меня, Мила, — с тихой обидой заявляет Вика.

На мгновение я теряюсь от ее чистого женского возмущения.

— Или ты слишком остро все воспринимаешь, — Вика продолжает играть сбитую с толку мать и жену. — Я бы никогда, — она поднимает взгляд, полный слез на Костю, — никогда бы не посмела обидеть Сеню.

Затем она всхлипывает, прикрывает рот ладонью и отворачивается:

— Я так и знала, что... какая же я дура... вернулись и опять облили грязью...

Шепчет тихо, но четко, чтобы ее причитания были услышаны Костей и мной.

Ловлю себя на мысли, что она теперь затаится, и ее игра в хорошую мать и жену будет еще ярче и убедительнее.

Но значит ли это, что она совсем не будет обижать Сеню? Вряд ли. Она обязательно улучит момент, чтобы унижить дочь, сделать ей больно словами и напомнить, какая она неловкая плакса.

— Я тебя не понимаю, Милена, — Костя хмурится. — Это серьезные обвинения.

— Мне нет смысла лгать, — стою на своем мягко, но упрямо.

— А я вижу смысл, — тихо отзывается Вика и наши взгляды пересекаются, — господи, Мила, ты Сеню-то зачем втягиваешь? Знаешь, ты... сейчас очень напоминаешь свою мать, которая пришла тогда на нашу свадьбу...

Молодец.

Очень выверенный удар. Я, действительно, сейчас выгляжу в глазах Кости как женщина, которая из-за зависти наговаривает гадости и лжет.

— У тебя очаровательная дочка, Костя, — я могу защитить себя сейчас только правдой, — милая, добрая и любопытная девочка. И я выражаю свое беспокойство не как твоя бывшая жена, а как женщина. Как мать.

После я неторопливо шагаю к лестнице и слышу тихий вопрос Вики:

— Костя... Ты должен поверить мне... Она же одинока... Дело именно в этом...

— Бабуля! Смотри! — ко мне по дорожке неуклюже бежит Аня, придерживая грязный подол платья, в который набрала камни. — Смотри, сколько нашли!

За ней бежит восторженная Сеня. Тоже несет в подоле камушки. В нескольких шагах от них плывет внимательная няня.

— Бабуля!

Я искала Илью, чтобы вручить ему небольшой и скромный подарок от меня и попрощаться.

Я вымотана. Хочу домой. Хочу завернуться в плед и полежать в тишине, но ко мне бегут две маленькие девочки. Чумазые и радостные.

— Бабуля, смотри!

Аня останавливается передо мной и раскрывает подол. Ее примеру следует и Сеня.

— Ого, — слабо улыбаюсь и с трудом играю интерес к грязным камешкам в подоле платья.

Меня немного подташнивает. Сегодня с Костей в коридоре у библиотеки я впервые за четыре года была с ним откровенной, и вместе с моей правдой о том, что у него родилась очаровательная дочка, треснула моя броня, за которой я прячусь настоящая.

— Выбирай, бабуля, себе, — Аня широко улыбается и пе-

переглядывается с Сеней, — мы для всех собрали.

— У всех будет свой камушек.

Аня и Сеня ровесницы. Анечка на три месяца раньше дочери Кости, и я уже вижу, что они подружатся.

Нет, они уже подружились.

Как же они далеки от взрослого мира. Ане и Сене весело. Они собрали кучу красивых камушков, все измазались в грязи и готовы поделиться с другими своей радостью, от которой мне больно.

— Мне тоже подарили камушек, — улыбается в стороне няня. — Пообещали, что волшебный.

— Волшебный, — кивает Сеня. — Любое желание исполнит.

Придерживая подол одной рукой, второй она хватает один из белых продолговатых камушков и протягивает мне:

— Я не вру, тетя Мила. Волшебный.

— Спасибо, — я аккуратно выхватываю камушек из ее пальчиков.

Девочки опять переглядываются, улыбаются и бегут дальше по дорожке к дому:

— Всем-всем надо подарить!

— И дяде Ване!

— А это кто?

— Садовник. Он и у нас тоже работает, но по вторникам и четвергам, а у дяди Ильи по понедельникам, средам и пятницам. Он хороший и добрый. И у него мешные усы.

— Очаровательные, — смеется няня и неторопливо следует за девочками.

Из дома выходит Вика. Я напрягаюсь и внимательно наблюдаю за тем, как она торопливо смахивает слезы.

— Мама! Мамочка! Мы собрали волшебные камни!

Вика очаровательно улыбается, присаживается перед девочками на корточки и с интересом выбирает у каждой из них по камушку.

После она с таким неподдельным восторгом всматривается в детские лица, что я сама готова умилиться красивой молодой маме.

— Нет, мама, — до меня доносит ветер голосок Сени, — нам надо всем камни раздать... Всем-всем...

Вика смеется вместе с няней. Меня накрывает диссонанс: разве могла эта дружелюбная женщина с доброй улыбкой обижать в библиотеке Сенью?

Может, я ошиблась? Может, мне показалось? Может, у меня случились слуховые галлюцинации?

Но что-то екает, когда Вика притягивает к себе Сеня и что-то шепчет ей на ухо. С той же сладкой улыбкой, но мне холодно.

Сеня оглядывается на меня, недоуменно моргает, и в ее глазах проскальзывает детский страх и разочарование.

Что Вика ей сказала?

— Бежим дальше! — взвизгивает Аня и скрывается в доме.

— Вот уж непоседы, — Вика улыбается няне, которая поднимается на крыльцо. — Мне бы столько энергии.

А Сеня уже потеряла основной запал радости. Его погасила Вика своим ядовитым шепотом.

— Найдите папу, — Вика гладит Сеню по голове.

Когда настороженная Сеня исчезает в доме, Вика спускается с крыльца и медленно, как кошка, движется в мою сторону.

— Мила, мы кажется друг друга сегодня недопоняли, — она продолжает улыбаться. — Может, я была с тобой груба. Если так, то я хочу извиниться. Я устала.

— Что ты сказала Сене? — тихо и серьезно спрашиваю я, крепко сжимая камушек в кулаке.

— Что очень ее люблю, — Вика улыбается шире. — Что еще может сказать мама дочке? Мила... — она клонит голову набок, — с тобой все в порядке? Тебя Сеня нервирует, да? — прижимает ладонь к груди и печально вздыхает. — Ты же дочку хотела... Мила, — закрывает губы аккуратными пальчиками, — вот в чем дело. Ты поэтому злишься на меня? Потому что я подарила Косте дочку, а ты нет?

— Мне не нравится, что твой отец будет жить в отеле, пока в доме идет ремонт, — жена моего старшего сына Ильи Оксана озадаченно вздыхает.

— Мне тоже, — соглашается Илья.

Я нашла Илью и его жену в южной беседке.

— Ну, это же странно, — Оксана переводит на меня взгляд, — мы же вроде как семья. У каждого из сыновей по дому, а он в отель? Не по-человечески как-то.

От липкого сладкого запаха розовых кустов меня немного мутит.

Разговор с Викой произвел на меня неизгладимое впечатление. Она не оскорбляла меня, не кричала и не говорила ничего такого, на что можно открыто возмутиться, но мне тошно.

И неприятно.

— Мам, а ты что думаешь? — Илья обращается ко мне.

Другие скажут, чтобы я не лезла в семью Кости. Что отношения Вики и ее дочери — не мое дело. Что я должна заниматься собой, своей жизнью, своим одиночеством, но я же знаю — мне теперь не заснуть.

Я учуяла в Вике ту мать, которая воспитывает дочь незаметной тихой травлей, которая давит, которая медленно, но верно уничтожает личность ребенка и которую в итоге никто

ни в чем не может обвинить.

Потому что такие мрази действуют скрытно.

И поднимать открытую и громкую панику — бессмысленно. Она не сработает, потому что Вика изменит тактику.

А Костя... Да даже я сейчас не могу четко и по делу сказать, почему я хочу выступить против Вики.

Сама стою в беседке и сомневаюсь в том, что слышала и что почувствовала.

— Мам?

Оглядываюсь на сына со сдержанной улыбкой:

— Извини, задумалась.

Может, мне попрощаться с сыном и уехать? Уехать и забыть ядовитые слова, что были сказаны Сене?

Она для меня чужая девочка. Маленькая, беззащитная, наивная...

— Вы будете против того, чтобы Константин остановился у нас, да? — Оксана с женским цепким вниманием всматривается в мои глаза. — Я не хочу, чтобы у вас были потом обиды на меня за мое предложение Константину остаться с семьей у нас.

— Но нам, мам, как-то не по себе отпускать отца в отель, как чужого человека.

Возможно, другие бы женщины возмутились тому, что старший сын готов приютить отца и его новую жену с дочерью в своем доме, но я сейчас отринула свои женские обиды и ревность из-за Сени.

— Тем более дом у нас большой, — Оксана слабо улыбается.

— Нет, я не обижусь, — отвечаю я, — это хорошая идея. Это, правда, хорошая идея.

В доме Оксаны и Ильи много внимательных глаз. Много взрослых, которые ограничат Вику в ее манипуляциях, агрессии и мягкой жестокости по отношению к Есении.

Да и Сеня отвлечется от ядовитой матери: младший сын Ильи и Оксаны почти ее ровесник, общение с которым смягчит для Сени ее реальность.

— Да, это хорошая идея, — повторяю я. — Это ведь такой стресс вернуться из другой страны... Зачем тогда семья, если при возвращении на родину живешь в отеле?

— Мы опять зря волновались? — Оксана смеется.

— К тому же сейчас стоит помочь Вике устроить Сеню в детский сад, — продолжаю я. — Почему бы Сеню не оформить в те же группы, где наша Анечка и Ваня? Они так подружились.

Мне Вику не перевоспитать, не изменить и, вероятно, до нее не достучаться, что детей надо любить, но... у Сени теперь есть большая семья со стороны отца, и поспособствую тому, чтобы ее приняли.

Чтобы у Сени были друзья и родственники, за которыми она может спрятаться от матери. Чтобы сама Вика осознала, что она стала частью большой семьи, в которой придется себя сдерживать.

— Тогда иди и переговоры с отцом, — Оксана сжимает ладонь Ильи.

— О чем переговорить? — слышим голос Константина, и через несколько секунд он уже стоит в беседке под резным навесом. — Илья, это терпит до завтра? Я с девочками хочу уже поехать...

— Оставайтесь у нас, — Оксана делает предложение немного взволнованно и громко. — Мы против отеля, — сжимает руку Ильи крепче, — мы же семья. У нас много места. Всем хватит.

— Определенно, — соглашаюсь я. — Троих сыновей воспитал и каждому помог построить дом для того, чтобы жить в отеле?

Костя переводит на меня недоуменный и напряженный взгляд.

— Я прямо теряюсь, — говорит он, — библиотека с обвинениями, а теперь вот это. Что за игра, Мила?

— Нам неудобно, — Вика явно не нравится идея остановиться в доме нашего сына Ильи. — Мы вам будем мешать.

— Какие глупости, — смеется жена Ильи Оксана. — Дом огромный. И мы будем рады.

— Пап, серьезно, — Илья вздыхает, — зачем ты нас позоришь перед остальными родственниками?

Я чувствую на себе взор Есении, которая настороженно выглядывает из-за Кости, вцепившись в его штанину.

— А пусть другую неделю живут у нас! — подает голос Анечка с дивана, стискивая в руках плюшевого щенка. — Сеня, — подползает к широкому подлокотнику дивана и шепчет, — у нас тоже дом большой. Будешь со мной в комнате жить. У меня есть даже замок принцессы.

Сеня поднимает взгляд на Костю и дергает его за рукав:

— Пап.

— Но дедушка с Сеней будет жить у нас, — хмыкает с ковра шестилетний Аркаша и протягивает младшему брату колесо от машинки, — мы круче. Мы, — с вызовом смотрит на Аню, — старшая семья.

— Дурак! — Аня хочет кинуться в драку, но я этого ей не позволяю.

Буквально перехватываю на лету маленькую гарпия и с побряхтываниям поднимаю на руки:

— Не дерись.

Тяжела стала. Едва держу на руках.

— А я хочу! — Аня рывкает мне в лицо, и ее слюна брызгает мне в лицо. — Тогда ты живи у нас! У них дедуля, а у нас бабуля! — показывает язык Аркаше.

Двухлетний сынок младшего сына Паши на руках невестки ревниво хмурится. Раздувает ноздри и громко заявляет:

— Нет!

Видимо, ему не очень нравится, что ему ни бабуля, ни дедуля не достанутся при дележке среди внуков.

Согласна, несправедливо.

— Вот чтобы нас никто не делил, — неловко смеется Вика, — нам лучше пожить в отеле, а потом мы снимем квартиру или дом... Мы не хотим никого стеснять, никому мешать...

— Деда, — в бой идет Ванюша.

То ли его Оксанка успело подговорить, то ли в нем заговорило упрямство и он тоже решил, что Сеня должна остаться жить в его доме, но он решил поднимается с ковра на ноги и шагает к Косте.

— Деда! — он останавливается перед удивленным Костей. — Живи у нас! — разводит руки в стороны. — У нас большой дом!

Затем он ловит Сеню за руку и уводит к старшему брату — Ты теперь живешь тут. Пойдем играть.

Оглядывается на насупленную Аню и расплывается в хит-

рой улыбке. Он победил.

— Папа! — взвизгивает Аня. У меня аж в ушах заклады-
вает. — Пусть у нас живут! У нас! У нас!

— Зайка, — шепчу я. — Тише.

— Я буду в гости ходить, — тихо и виновато оправдыва-
ется Сеня, а в ее руки Аркаша и Ваня уже суют машинки и
роботов.

— С ночевкой? — сердито уточняет Аня на моих руках.

— Да... — настороженно и с ожиданием оглядывается на
Вику, — мама... Мы же будем ходить в гости к Ане?

Я вижу в глазах Вики искру паники. Пришло осознание,
что у Кости большая и очень равнодушная семья?

Костя замечает мой внимательный взгляд в сторону его
ненаглядной жены, и я не пугаюсь его немого вопроса и недо-
уменно вскинутой брови.

Он ведь был прав. Я действительно веду сейчас очень хит-
рую игру против Вики. Пусть он не понимает, не верит, не
осознает, но я защищаю его дочь.

Как мужчина, он ослеплен и не чувствует опасности, а когда он
откроет глаза, то может быть очень поздно.

— Милый, — нашу с Костей дуэль пристальными взгля-
дами прерывает Вика, — я не думаю, что мы можем...

— Можем, — отвечает он и нежно касается ее подбород-
ка, и заглядывает в ее глаза, — мой сын прав. Мы семья. И
это для моих детей будет позором, если я остановлюсь в оте-
ле или на съеме.

— Костя, но мне неловко...

Ути-пути. Тебе не было неловко дочь родную обижать в чужом доме.

— Тебе не нравится тетя Вика, да? — шепчет на ухо Аня, прикрыв ладонью рот.

Вы же все прекрасно знаете, как тихо шепчут дети. Так тихо, что можно уловить в соседней комнате.

Только дети за игрой в роботов и машинки ничего не слышат.

Воцаряется растерянное молчание взрослых, но Аню не остановить.

— Мне тоже не нравится, — торопливо продолжает шептать на ухо, — но Сеня хорошая. Жалко, что не ты мама Сени. Да? Мне вот очень и очень жалко.

— Мое мнение для тебя неважно? — охает за дверью Вика. — Костя!

Закусив губы, вслушиваюсь в возмущенный голосок Вики.

Я не специально притаилась у гостевой спальни. Я несла свежее постельное белье, а там за дверью разгорелся тихий и возмущенный спор.

Конечно, я могла уйти, но во мне взыграло любопытство.

Нет, я не буду разносить сплетни, но... мне так интересно понять, что происходит между Костей, Милой и Викторией, что я же ночами не буду спать.

В коридоре появляется мой муж Илья. Вскидывает бровь, понимает, что я подслушиваю, и решительно шагает ко мне.

Вот блин.

— Нам тут не рады, Костя! — обиженно шепчет Вика. — Раз ты не видишь? То Мила меня обвиняет непонятно в чем...

О, а это интересно.

Неужели тихая и холодная Мила укусила очаровательную Виду? Не верю.

Ко мне подходит Илья, приобнимает, сердито вглядываясь в глаза, и хочет увести, но слышит голос отца:

— Вика, это дом моего сына. Я не стану отказываться от

его гостеприимства.

— То есть ты одобряешь то, что сказала Аня? — в голосе Вики прорезается ревность и паника. — Ты же слышал, что она сказала про Сеню и Милу! Слышал! Да все слышали!

Илья напряженно замирает и хмурится.

— Аня — ребенок! — Костя, кажется, очень зол. — Она маленькая девочка! Ей чуть больше трех! Господи, Вика, да она недавно хотела, чтобы ей купили жирафа! Жирафа, Вика!

Да, было дело. Аня, сладкая бусинка, и нас с Ильей уговаривала, чтобы мы заставили ее папу купить для нее жирафа.

— И никто не сказал ни слова против этого бреда! — всхлипывает Вика. — Все слышали! Ты слышал! И ничего против не сказал!

— Я не вижу проблемы, — вздыхает Костя. — Аня сказала и забыла.

— Ты не видишь проблемы даже в том, что твоя бывшая жена обвиняет меня в том... что... — всхлипывает громче.

Да скажи ты уже, в чем тебя Мила обвинила?

Что заставило отстраненную и закрытую женщину оскалить зубы? Что вывело ее из себя?

Она же никогда не шла на открытый конфликт. Никогда не отвечала семье агрессией, хотя столько моментов было! Ни на одну провокацию не велась и ни одной ссоры не заводила, даже если были поводы.

Стальные нервы и железная выдержка.

Обычные свекрови бы уже давно со всеми невестками переругались, а Мила — нет.

— Я даже повторить не могу то, в чем она посмела меня обвинить! — Вика почти кричит. — Неужели ты не понимаешь, что происходит?

— Поясни, — хмыкает Костя за дверью. — Я думаю, что ты устала, Вика. Перелет был долгий, стресс...

— Ты все-таки ей веришь?!

Я готова ворваться в гостевую спальню и потребовать подробностей от Вики.

— Я не понимаю, зачем Миле врать, — говорит Костя. — Не понимаю, Вика, поэтому склоняюсь к тому, что произошло недопонимание...

— Она хочет тебя вернуть и отобрать мою дочь! — взвизгивает Вика.

Я в шоке переглядываюсь с Ильей. У меня сейчас глаза выпрыгнут из глазниц от удивления.

Вот это поворот.

— Вот что происходит, Костя! — Вика вновь переходит на злой шепот.

— Ты, правда, устала, — тяжело вздыхает Костя, будто говорит с умалишенной.

— Тебе надо отдохнуть. Выспаться.

— Она и Аню, явно, подговорила на этот бред, — Вика горько смеется, — подговорила, Костя! Чтобы опять унижить меня перед всеми! А как они на меня потом посмотрели!

— Вика, — раздраженно перебивает ее Костя, — это моя семья. Это мои дети, мои внуки.

— Я не хочу тут быть!

— Но мы останемся, милая. И да, у меня большая семья. Да, это сложно...

— Твоя бывшая жена — это сложно! Мила! Проблема в ней, Костя! Неужели ты не понимаешь! Ты сейчас не выбираешь меня!

— Она мать моих сыновей! — гаркает Костя, и я прикусываю кончик языка, а Илья с замешательстве касается подбородка. — Она для меня близкий и дорогой человек, Вика! И да, я не хочу верить, что она могла пойти на ложь! Это не в ее стиле!

Илья напряженно почесывает нос, а я кусаю губы.

— Значит, вру я? Так, что ли? И неужели ты не заметил, как она смотрит на нашу дочь? Как маньячка, Костя. Услышь меня! — плачет. — Я тебя умоляю, любимый... Да, у тебя большая семья, но... Мила... Она меня беспокоит. Да, она близкий и родной человек, а я жена, Костя... Ты должен верить мне...

Илья делает мягкий шаг вперед и уводит от двери, за которой Вика опять всхлипывает:

— Костя, только не отталкивай меня, не подозревай. Я боюсь, что Мила нам завидует, а из-зависти женщины готовы на страшные вещи, — голос Вики становится мягче и слаще, — иди сюда. Я весь день хотела остаться с тобой наедине...

Я положила белый камушек, который мне подарила Есения, на рабочий стол рядом с массивным органайзером из красного дерева.

Да, я его сохранила и не смогла выкинуть.

Принесла в офис.

Периодически кидаю взгляд на камушек, кусаю губы и вновь возвращаюсь к бухгалтерскому отчету, в котором я прячусь от тоскливых мыслей.

Есения — не моя дочь.

Она чужая девочка, и я не должна беспокоиться о ее жизни.

У нее есть папа.

Есть мама... Конечно, к маме большие вопросы, но ее грубые слова и агрессию можно списать на усталость.

Вздыхаю. Цифры не сходятся в отчете. Расплываются, пляшут и путаются.

Встаю из-за стола, подхожу к окну. Лезу рукой за жалюзи и приоткрываю окно.

Мне не хватает звуков и запахов улицы.

Может, они меня отвлекут.

Мой офис с отделом продаж с маркетологами расположен на первом этаже одного из старых жилых домов на шумной улице Карачинской.

Мало того, что этаж первый, так еще и сам уровень окон очень низкий. Я могу распахнуть окно и выйти на улицу, например, за кофе, если будет лень ползти к главному выходу через фойе.

Но я так не сделаю.

Я же приличная женщина.

Мимо окон моего кабинета проходит компания молодых ребят. Громко смеются. Ветер откуда-то доносит мяуканье, гудят машины на дороге, а из парковочного кармана аккуратно задним ходом выезжает старенькая волга.

Делаю глубокий вдох загазованного воздуха с нотками зелени и пыли.

Можно вернуться к работе. Отвлеклась от мыслей о Сене и ее папе, который опять начал мне сниться каждую ночь.

Звонок телефона, и я аж чуть не подскакиваю.

Несколько секунд недоумеваю, зачем мне звонит невестка Оксана, и касаюсь зеленой иконки приема звонка.

— Мила, как вы? — тихо и ласково воркует она. — Ой, я что звоню так неожиданно...

Я вся напрягаюсь. Я никогда ничего хорошего не жду от внезапных звонков. Либо гадость скажут, либо оповестят о какой-нибудь серьезной проблеме.

— Говори уже, Оксан.

— Я тут на днях сболтнула кое-что Вике, — голос становится извиняющимся, — мы разговорились... она похвалила мою фигуру, а я по привычке и сказала, что занимаюсь в

одном из ваших центров.

Хмурюсь.

— Я же всем подругам ваши центры рекомендую, и тут тоже не подумала и ляпнула, — тяжело вздыхает.

— И?

— Ну и... — Оксана медлит, — Вика заявила, что ей тоже надо фигурой заняться.

— Так?

— Я думаю, что она к вам заявится, — переходит на шепот. — Может быть, даже сегодня.

— Что?

— Она взяла Сеню и сказала, что поехала в город, — Оксана недовольно цыкает. — Я пыталась с ними няню отправить, но не вышло. И вряд ли она поехала именно в город на шопинг для Сени, Мила, потому что...

— Потому что? — пытаюсь быть терпеливой, но голос все равно дергается гневом. — Не тяни, Оксана.

— Я подслушала, — опять шепчет. — Сеня спросила ее, — пытается симитировать детский голосок, — мама, а куда мы поедем?

Массирую переносицу. Оксана в своем репертуаре.

— А Вика ответила, что... — пауза, — мне дословно повторить?

— Да.

— К старой ведьме, которая хочет забрать твоего папочку, — теперь Оксана притворяется язвительной Викторией, — ты же

не хочешь, чтобы папочка нас бросил?

— О, господи, — закрываю глаза. — Так и сказала?

— Угу.

— Я тебя поняла, Оксана, — провожу пальцами по правой брови, прогоняя усталость. — Как думаете, Костя мне поверить, если я скажу ему о старой ведьме?

— Я не думаю, что Косте стоит такое говорить.

— Я уже ему сказала, — Оксана так по-детски наивно шмыгает, что я слышу в голосе женщину маленькую девочку, — позвонила сначала ему.

В кабинет заглядывает моя помощница Люся и неловкой улыбается. Видит, что я говорю по телефону, и хочет уже спрятаться обратно за дверь, но я спрашиваю:

— Что?

— К вам пришли?

— Я же говорила, — шепчет в телефоне Оксана. — К вам намылилась. Ой, что-то я вся на нервах. Как-то мне нехорошо, Мила.

— Пригласить? — Люся неловко улыбается.

Я киваю и сбрасываю звонок. Слышу за дверью милый голосок Вики:

— Какая у тебя очаровательная брошка. Очень тебе идет!

— Спасибо, — подозрительно пищит Люся. — Милена вас ждет.

— Конечно, ждет, — Вика смеется очаровательным беззаботным колокольчиком, — я же сказала. Мы с ней очень

близко дружим, — кокетливое с нотками женского высокомерия, — я жена ее бывшего мужа.

Я сажусь за стол с прямой спиной.

Нет, я не испугалась того, что ко мне заявила Вика. Я ее не боюсь. Мне даже, если честно, любопытно, зачем она тут?

Пошипеть, чтобы я отстала от Кости?

Угрожать с милой улыбкой?

Набиваться в подружки?

— Посиди тут, солнышко, — слышу голосок Вики. — Мне надо поговорить с тетей Милой.

— Мне же надо сказать тете Миле привет?

Сердце сжимается от виноватого голоска Сени. Первый мой порыв встать и выйти из кабинета, чтобы самой поздороваться с Сеней, но я силой удерживаю себя в кресле.

Возможно, это хитрая игра Вики.

Если я сейчас выйду, поздороваюсь с ее дочкой при моей помощнице, то это будет еще одно доказательство для Кости, что я одержима его дочерью.

Глупо, но каждое Викино слово у меня вызывает холодное подозрение.

— Я ей передам твой привет, — воркует Вика.

— Хорошо, — отвечает ей Сеня. — Но...

— Вот тебе карандаши, — Вика перебивает дочку, — сиди и порисуй. Мамочка тебя очень любит.

Я не чувствую в признании Вики честности. Да, нежность

и ласка сыграна на десять из десяти, но я сама лгунья. Сама играю уже годами и могу уловить в словах жены Кости ложь.

— Я тебя тоже люблю! — голосок Сени прыгает от взволнованности и наивного восторга.

А вот Сеня не врет. Она растаяла от лживого признания Вики, раскрылась и радуется нежному вранью мамы.

Мне опять становится зябко.

Я не выдерживаю и встаю. Подхожу к высокому комоду в углу кабинета и наливаю себе воды. Руки трясутся.

Женское чутье вопит, что Вика — холодная жестокая крокодилица, у которой из яйца вылупился нежный слабый цыпленок, и я могу только со стороны наблюдать за ними.

Если я буду слишком настырной с Костей и моими подозрениями, то я только сыграю на руку Вике.

Тихий стук, и я делаю глоток теплой воды.

— Да, — отвечаю я.

Дверь медленно открывается, и в кабинет несмело заходит Вика.

Как всегда очаровательна.

Ей же уже за тридцать, но ей удастся сохранить образ воздушным, милым и незащищенным: скромное платье из плотного молочного льна, кардиган из тонкой светлой шерсти и туфельки на невысоком каблуке. Волосы собраны в объемный пучок на макушке.

— Ого! — она округляет глаза и закрывает за собой дверь. — Да ты большой босс, да? — смеется.

В ее восторженном смехе и льстивых словах я слышу женскую зависть. Она ведь падкая на внешний успех, а что у человека в душе — неважно.

— Привет, — я деаю новый глоток и оставляю стакан к графину с водой.

Медленно разворачиваюсь к гостье и сдержанно улыбаюсь:

— Очень неожиданно, Вика.

— Ты такая суровая сейчас, — она улыбается и прижимает ладони к груди, — я будто у директора в школе.

Ах ты, мымра хитрая.

Сравнила с себя с юной наивной школьницей. Очаровательная Вика. Слов нет, одни эмоции.

— Только я тебя к себе не вызывала, Виктория, — немного прищуриваюсь. — Зачем пожаловала?

— А ты на работе очень серьезная тетенька, — Вика проходит в кабинет и грациозно садится на стул перед моим столом. — Я тебя прямо не узнаю.

— Я не поверю в то, что ты случайно проезжала мимо и решила поздороваться с бывшей женой мужа, потому что мы якобы подружки, — я говорю спокойно, но в груди с каждой секундой нарастает желание схватить гостью за волосы и выволочь из кабинета с матами и угрозами.

Но я приличная и тихая женщина.

Я никогда не ругаюсь матом.

— Я подумала, что в прошлый раз, я могла тебя обидеть,

Мила, — опять складывает бровки домиком и неловко улыбается, — я могла быть грубой... Я очень тяжело переношу перелеты. У меня будто мозги взбалтываются. Мы тогда мало спали. Ну не тебе же объяснять. Ты сама была мамой маленьких детей, Мила.

Мастерский ход. Сказать о своей усталости и втянуть собеседника в воспоминания о мамских буднях.

Все мамы помнят, как могут кипеть мозги от недосыпа и маленьких детей.

— Я не хочу беспокоить Костю тем, что между мной и тобой... — кусает губы играя, вину и смущение, — что между мной и тобой напряжение, — печально смотрит на меня, — ты меня понимаешь?

— Не совсем.

— Это будет нервировать его, — вздыхает, — а я понимаю... ты мать его детей. Ты важная часть семьи, но и я теперь тоже...

— Не любовница? — хмыкаю.

Молчание, и взгляд у Вики на мгновение становится стальным и острым. Всего лишь на долю секунду, но и именно в этом взгляде она — настоящая.

И она — злая и хитрая женщина.

Самое смешное, что я верю в ее любовь к Косте, и она не хочет им делиться даже с дочерью.

Вот такая любовь. Собственническая, эгоистичная и требовательная, и она не терпит конкурентов. Даже родных де-

ток.

Такое бывает.

— Да, я теперь тоже жена Кости и мать его дочери, — Вика берет себя в руки и опять прячет яд под сладостью мягкого голоса, — долгожданной дочери. Я тоже часть семьи, — приподнимает подбородок, — вашей семьи.

Тут ее взгляд цепляется за белый камешек на столе у органа-изера из красного дерева. Секунду на него смотрит и вновь — на меня.

— Это моя дочь, Мила, — твердо говорит она. — И ты меня начинаешь пугать. И ты сама должна обеспокоиться. Наследственность у тебя сомнительная. Может, тебе обратиться к психологу. Я... беспокоюсь за тебя, как... женщина и подруга.

Вика опять нанесла очень выверенный и жестокий удар, напомнив мне о моей сестре и маме, с которыми мое общение сошло на нет после их истерике на свадьбе.

Это еще одна моя рана.

Я потеряла мужа и еще двух очень близких людей, которые так и не простили мне того, что я, во-первых, не боролась за Костю, а, во-вторых, что я не оценила их самоотверженности и желания вернуть мне мужа.

Дура я, короче, и меня можно только пожалеть, потому что нет во мне мудрости и женской хитрости.

— Ты опять обиделась? — прерывает мое молчание Вика.

— Нет, — отвечаю и через небольшую паузу продолжаю, — я согласна, ты часть семьи.

— Значит, ты согласна, что нам надо относиться друг к другу благожелательно? — Вика улыбается. — А не придумывать гадости.

Мне остается только вскинуть бровь.

— Я могу предположить, что у тебя богатая фантазия, — Вика прищуривается и похожа сейчас на кошку, которая готова в любой момент прыгнуть на мышь, — ты могла придумать...

— У меня со слухом и с фантазией все в порядке, — четко проговариваю я.

Я — не мышь, и пусть Вика не думает, что способна меня сожрать и переварить.

И она понимает это, поэтому злиться.

Мы обе — актрисы, и я чую ее гниль. Чую и другим нашептываю, чтобы они обратили внимание на милую и добрую гадину.

Чтобы пригляделись.

— Но ты придумала, Мила, — качает головой Вика. — В библиотеке ничего страшного между мной и дочкой не случилось. Я успокаивала ее.

— Нет, — твердо отвечаю я. — Я уверена в том, что я слышала.

— Я хочу решить этот вопрос, а ты продолжаешь ситуацию усугублять, Мила, — голос Вики становится тише, — это уже даже несмешно. Костя же не дурак.

— Все мужики дураки, — улыбаюсь я, — и для женщины обмануть их... не представляет никакой сложности.

— Хочешь, что и маленькая Сеня Косте соврала? — возмущенно изгибает бровь. — Костя спросил у нашей дочери, что случилось в библиотеке, и... никто не обижал Сеню.

— Подговорить маленькую девочку соврать отцу, — яжимаю плечами и не отвожу взгляда, — тоже несложно. Особенно если напугать ее тем, что старая ведьма украдет ее папочку.

Замирает вся.

Не ожидала.

Слишком обнаглела, переиграла, забылась, и я ее ударила. За ней следят в доме Ильи и Оксаны. Шпионят, подслушивают и не доверяют.

Но все это становится неважно в тот миг, когда ветер доносит через открытое окно приглушенный голосок Сени:

— Котя! Котя давай дружить! Котя...

Вика свою дочь не слышит за шумом улицы и гулом машин, но я слышу. Слышу будто сердцем.

Я резко встаю и шагаю к окну.

Маленькая Сеня на улице. На парковочном линии. заглядывает под одну машину, из-под которой выбегает грязный черно-белый кот.

— Котя!

Почему она на лице?!

Напуганный кот бежит, пригнувшись всем телом к дороге. Сеня семенит за ним.

К дороге. Никто из прохожих ее будто не замечает.

— Это так по-взрослому замолчать и игнорировать меня, — хмыкает Вика.

— Котя! Кис-кис-кис...

На сене милое ситцевое платье в мелкий цветочке, а волосы заплетены в две косички.

Она тянет руки.

Для нее сейчас существует только котя, а для меня — только она.

Я молча одергиваю жалюзи, а Вика испуганно ойкает:

— Господи! Мила, да что с тобой?!

Сеня почти у дороги, а кот уже у дорожной разметки. Вжался в асфальт, когда мимо проезжает белый хэтчбек.

— Котя!

Распахиваю окно.

Вскакиваю на подоконник.

— Мила, да мы же на первом этаже! Это смешно! Или ты так уходишь от разговора?

Выпрыгиваю на улицу, и в меня чуть не врежется старик:

— Ты откуда взялась?!

— Котя! — Сенья не смотрит по сторонам, протягивает руки и шагает к своей жертве. — не бойся!

— Сенья! Назад! — истошно кричу я.

Но она меня не слышит и не знает, что к ней несется грязная старая нива. Я не замечаю, как перебегаю тротуар и как перескакиваю несколько клумб.

— Котя!

Громкий оглушительный звук клаксона. Сенья застывает прямо на пути нивы, которая и не думает тормозить.

— Мяу! — мяукает кот.

— Сенья! — будто из другого мира или параллельной реальности до меня доносится отчаянный крик Кости.

Я замечаю его фигуру краем глаза на противоположной стороне дороге у кофейни, где я люблю по утрам пить кофе с хрустящим круассаном.

Он слишком далеко. Он не добежит. Не успеет.

Но успеть должна я.

Я уже в шаге от Сени. Опять звук клаксона, который отшибает у меня слух. Вскинув руку вперед, я хватаю Сеню за шиворот ее платья и дергаю назад. Откидываю обратно к парковке.

А потом... меня саму отшвыривает мощным ударом. Бум.

Я чувствую удар левой половиной тела, но мне не больно. Что-то хрустит во мне, голова будто пружинить от асфальта.

Боли нет, но я знаю, она должна быть. Мимо пробегает пятнистая и хвостатая тень с мяуканьем, которое пробивается к моему мозгу будто через метровую кирпичную стену.

Я вижу небо. Голубое полотно с белыми пятнами облаков. Дышать тяжело, но я все же шепчу:

— Сеня, дождись папу... — небо обволакивает соленый вкус крови, — ради бога... дождись его и ничего не делай...

Звонок невестки застал меня врасплох.

Я беседовал с ремонтной бригадой, которая должна привести в порядок мой бывший дом и его запущенную территорию.

— Константин, — сказала тихо Оксана, — возможно, это не мое дело...

Я был всеми мыслями в будущем, где в мое разрушенное чужими людьми гнездо вновь возвращается тепло и уют. Поэтому слушал Оксану вполуха, с тоской оглядывая грязные стены в трещинах, пыльный пол и разбитые окна.

— Может, я ослышалась, конечно... — вздохнула Оксана, вновь привлекая к себе внимание, — но...

— Что, Оксана?

— Вы, Константин, явно будете недовольны. Либо мной, либо...

— Либо кем?

— Вашей женой, — взволнованно выпалила Оксана, и тут я серьезно напрягся.

Напоминаю, что я должен верить жене, а только всем остальным.

Может, Вика права? Может быть, ее невзлюбили в моей семье и начали третировать, нагло оговаривая?

Может, я зря настоял на том, чтобы остановиться в до-

ме старшего сына, проигнорировав просьбы Вики уехать в отель, и жить отдельно?

— Может быть, Вика не Милу назвала старой ведьмой, которая хочет у Сени украсть папу, — задумчиво заявила Оксана. — Я могла ошибиться. Я же просто мимо проходила вашей спальни... — цыкнула, — ох зря сказала. Точно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.